Смерть Артура

Автор:
Джон Толкин

Смерть Артура

Джон Роналд Руэл Толкин

По словам Кристофера Толкина, сына писателя, Джон Толкин всегда питал слабость к «северному» стихосложению и неоднократно применял акцентный стих, стилизуя некоторые свои произведения под древнегерманскую поэзию. Так родились «Лэ о детях Хурина», «Новая Песнь о Вельсунгах», «Новая Песнь о Гудрун» и другие опыты подобного рода. Основанная на всемирно известной легенде о Ланселоте и Гвиневре поэма «Смерть Артура», начало которой было положено в 1934 году, осталась неоконченной из-за разработки мира «Властелина Колец». В данной книге приведены как сама поэма, так и анализ набросков Джона Толкина, раскрывающих авторский замысел, а также статья о связи этого текста с «Сильмариллионом».

Джон Рональд Руэл Толкин

Смерть Артура

J.R.R. Tolkien

Edited by Christopher Tolkien

The fall of Arthur

© The Tolkien Trust, 2013

© The J.R.R. Tolkien Copyright Trust, 1975, 1981

© C.R. Tolkien, 2009, 2013

© The J.R.R. Tokien Estate Limited, 1953, 1966

© The J.R.R. Tolkien Copyright Trust and C.R. Tolkien, 1985, 1986, 1987

© R.S. Loomis, 1963

© Cambridge University Press, 1966, 1998

© Eugene Vinaver, 1947, 1971

© Перевод. С. Лихачева, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Предисловие переводчика

Поэма «Гибель Артура» представляет собой пространный стихотворный текст (около тысячи строк), написанный в рамках аллитерационной системы стихосложения, непривычной для восприятия современного читателя, привыкшего к силлабо-тонике. Возникает необходимость предварить перевод небольшим разъяснением переводческой концепции, использованной в данном издании.

Современный читатель воспринимает аллитерацию как особый фонетический прием, повторение одинаковых или однородных согласных в стихотворении, придающее ему особую звуковую выразительность. Однако в древнегерманской поэзии аллитерация служила не украшением, а функциональным инструментом, связывающим строку в единое целое. Ее роль была близка той роли, которую в современной рифмованной поэзии играет рифма: соединение единиц

стихосложения – строк или полустиший.

Аллитерационный стих широко представлен в сохранившихся древнеисландских, древнеанглийских, древненижненемецких и древневерхненемецких текстах.

Каждая строка древнеанглийского аллитерационного стиха делилась на две так называемые краткие строки, разделенные паузой или цезурой и связанные повторением начальных звуков в ударных словах.

В каждой краткой строке имелось по два сильных ударения, между которыми различным образом распределялись безударные слоги. Каждая краткая строка представляла собою образчик или вариацию одной из шести основных схем (их Дж. Р.Р. Толкин описал в своем эссе «О переводе „Беовульфа“»). Сильные места в строке назывались ее вершинами (англ. lifts); слабые места назывались спадами (англ. dips). Традиционная вершина представляла собою долгий ударный слог, обычно с повышением тона; традиционный спад представлял собою безударный слог, долгий или краткий, с понижением тона. В отношении такой метрической формы аллитерацию можно определить как согласованное созвучие начальных согласных либо гласных (любых: все гласные считаются аллитерирующими между собой) в сильноударных слогах долгой строки. Таким образом, основная метрическая функция аллитерации состоит в том, чтобы связать воедино две отдельных и сбалансированных кратких строки в завершенную долгую строку. Организацией строки заведует ряд правил: 1) не менее одной вершины в каждой краткой строке должны аллитерировать; 2) во второй краткой строке аллитерировать может только первая вершина; вторая аллитерировать не должна; 3) в первой краткой строке аллитерировать могут обе вершины[1 - Подробнее см.: Tolkien, J. R. R. On Translating Beowulf // The Monsters and the Critics and Other Essays by J. R. R. Tolkien. Ed. Christopher Tolkien. – Boston: Houghton Mifflin, 1984. PP. 66–67.].

В качестве примера можно привести отрывок из англосаксонского гимна, который, как считается, впервые явил Дж. Р.Р. Толкину образ мифического мира, впоследствии описанного им в своих произведениях:

Eala Earendel, /engla beorhtast

ofer middangeard / monnum sended…

(«Христос», 104–105)

В Англии аллитерационный стих в чистой, первозданной его форме вымирает вскоре после Нормандского завоевания 1066 года; однако ему суждено было воскреснуть в «свободном» аллитерирующем стихе Аллитерационного Возрождения середины XIV века. Эти же самые модели, как древнеанглийские, так и более свободные среднеанглийские, Дж. Р.Р. Толкин возрождает и использует, пользуясь средствами современного английского языка: примером тому служит «Возвращение Беорхтнота, сына Беорхтельма», отдельные стихотворные фрагменты из «Властелина Колец», «Лэ о детях Хурина» и настоящая поэма «Гибель Артура».

В том, что касается перевода аллитерационного стиха на русский язык, единого свода правил не существует. В германских языках ударение падает на корневую морфему, и она же обычно стоит в начале слова: она и является «вершиной», сильным местом краткой строки; именно в ее начале и содержится повторяющийся, «аллитерирующий» звук. В русском языке ударение к корневой морфеме не привязано; тем самым, если буквально воспроизводить модели древнеанглийской поэзии, аллитерирующий предударный звук может оказаться и далеко от начала слова, и даже не на корневой морфеме. В. Тихомиров, «первопроходец» и один из самых авторитетных переводчиков аллитерационной поэзии, на материале малых памятников прибег к точному, буквальному соблюдению аллитерационных схем – аллитерируют предударные согласные:

Мы со Скиллингом возгласили голосами чистыми

Зычно перед хозяином песносказание наше…[2 - Древнеанглийская поэзия. Пер. В. Тихомирова, ред. О. Смирницкой. М., Наука, 1982. С. 20.]

Платье мое безгласно, пока я по земле ступаю,

пока я тревожу воды, пребываю в селеньях…[3 - Ibid. С. 45.]

Однако на куда более обширном материале эпической поэмы «Беовульф» тот же переводчик стремится скорее воспроизвести звуковой эффект оригинала, нежели соблюсти схемы, в результате чего аллитерирующие звуки повторяются

вне строгой последовательности, зато на совпадении начальных согласных; причем общее впечатление кажется более привычным и естественным для русского слуха:

Истинно! исстари слово мы слышим

О доблести данов, о конунгах датских…

Дань доставить достойному власти…[4 - Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. «Художественная литература», М., 1974. С. 29.]

Однозначного ответа на вопрос «как же правильно?», скорее всего, нет и быть не может: аллитерационный стих не является органической частью русскоязычной поэзии, и желаемого эффекта оригинала возможно добиваться разнообразными средствами, по одному или в комплексе. Что лучше воспринимается на слух русскоязычного читателя: совпадение начального согласного ударного слога – или совпадение начальных согласных слова, независимо от ударения? То есть:

Задумал он недоброе – или: Замыслил он злое?

Бегством из битвы себя запятнали – или: Бежали бесславно с бранного поля?

В настоящем переводе приоритет отдается совпадению начальных согласных (статистически доказано, что первый звук слова в четыре раза заметнее остальных): опыт подтверждает, что в большинстве случаев такая аллитерация «слышнее»:

На восток выступил с войском Артур

Воевать ворога на вольных границах…

Однако в ряде случаев «срабатывает» и совпадение начального согласного ударного слога:

Как зябнет земь в предзимнюю пору…

Или используется сочетание того и другого:

Чтоб драккары недобрые не дерзали рыскать…

Важное уточнение: ударение в германских именах падает на первый слог. Поэтому для соблюдения ритмики стиха в имени «Артур» предпочтительно ставить ударение на первом слоге:

На восток выступил с войском Артур (не Арт?р).

Еще несколько пояснений – по большей части относительно оформления текста.

В своих статьях (в частности, в статье, посвященной обзору эволюции артуровского мифа), К. Толкин ссылается на целый ряд ранних источников и пространно цитирует их: аллитерационную «Смерть Артура» (1400 года), строфическую «Смерть Артура» (XIV век), французский прозаический роман «Смерть Артура» (XIII век), «Смерть Артура» Томаса Мэлори (1485) и т. д. Большинство этих текстов, каждый – со своей узнаваемой стилистикой и узнаваемой лексикой, на русский язык никогда не переводились. Цитаты из существующих в русском переводе источников («История бриттов» Гальфрида Монмутского и «Смерть Артура» Томаса Мэлори) приводятся в ставших каноническими переводах, опубликованных в серии «Литературные памятники». Цитаты из не существующих в русском переводе источников – латинских и среднеанглийских, которые в тексте статей выглядят как иноязычная ставка, – приводятся параллельно и в оригинале, и в переводе на русский язык с точным соблюдением формы, чтобы дать читателю наиболее полное представление об этих практически не известных в русскоязычном литературоведении памятниках. Перевод данных фрагментов, зачастую достаточно обширных, выполнен переводчиком книги специально для данного издания.

Специфика написания имен сохраняется авторская (варианты, сознательно выбранные из всего многообразия существующих форм самим Дж. Р. Р Толкином), и потому они могут отличаться от привычных написаний в русскоязычной традиции, основанной на каноническом переводе «Смерти Артура» Т. Мэлори (выполненном И. Бернштейн). Так, у Толкина: Бламор (Blamore), Леодегранс (Leodegrance), Камилиард (Camiliard); эти варианты

сохраняются и в русскоязычном переводе толкиновской поэмы, несмотря на то что в русскоязычной традиции закрепились варианты из перевода Т. Мэлори (поскольку другие тексты, как говорилось выше, практически не представлены): Бламур, Лодегранс, Камилард и т. д.

В случае разночтения написания у самого Дж. Р.Р. Толкина (что неизбежно, учитывая, что речь идет о незаконченном произведении и о большом количестве черновиков), в тексте перевода разночтения сохраняются в каждом отдельно взятом случае употребления имени. Так, варьируется написание имени супруги короля Артура: преобладает вариант Guinever (Гвиневра), но встречается и вариант Guinevere (Гвиневера), а в черновиках – варианты Guenaver (Гуэнавера), Gwenaver (Гвенавера) и т. д.

В главе, посвященной эволюции поэмы, одной из самых сложных для перевода, К. Толкин приводит большое количество фрагментов черновиков, сравнивая разные варианты одних и тех же строк, зачастую отличающихся друг от друга одним-двумя словами. В настоящем переводе сделано все, чтобы, сохранив совпадения в строках оригинала, воспроизвести мелкие разночтения средствами русского языка. Например:

There evening came

Отгорел закат,

With misty moon moving slowly

Месяц мглистый медленно крался

Through the wind-wreckage in the wide heavens,

Сквозь бреши бури в безбрежном небе,

Where strands of storm among the stars wandered.

Где вихрей вервия вьются средь звезд.

(I.110–113)

There evening came

Отгорел закат,

With misty moon; mournful breezes

Месяц был мглист; мягкие веянья

In the wake of the winds wailed in the branches

Ветрам вдогонку в ветвях стенали

Where strands of storm…

Где вихрей вервия.

В тексте представлены постраничные примечания двух видов. Примечания К. Толкина (уточнения, перевод отдельных слов в среднеанглийских цитатах и т. д.) являются неотъемлемой частью оригинала и не маркированы никак. Примечания, по необходимости добавленные переводчиком, отмечены как таковые. – Примеч. пер.

С. Лихачева

Предисловие

Общеизвестно, что непреходящая любовь моего отца к «северному» аллитерационному стиху ярко проявилась в его поэтическом наследии – от мира Средиземья (в частности, в длинном неоконченном «Лэ о детях Хурина») до драматического диалога «Возвращение Беорхтнота», восходящего к древнеанглийской поэме «Битва при Мэлдоне», и до его «древнеисландских» поэм: «Новая Песнь о Вёльсунгах» и «Новая Песнь о Гудрун» (на которые отец ссылался в письме от 1967 года как на «одну вещицу, написанную мною много лет назад, когда я пытался освоить искусство аллитерационной поэзии»). В «Сэре Гавейне и Зеленом Рыцаре» он демонстрирует блестящее мастерство в перенесении аллитерационного стиха XIV века на современный английский язык с использованием той же самой метрики. Теперь к ним добавляется неоконченная и неопубликованная поэма «Гибель Артура».

Мне удалось обнаружить только одно упоминание отца об этой поэме – в письме от 1955 г., где говорится: «Я с удовольствием пишу аллитерационные стихи, хотя, помимо нескольких фрагментов во „Властелине Колец“, опубликовал совсем мало, если не считать „Возвращения Беорхтнота“ ‹…›. Все еще надеюсь закончить длинную поэму „Гибель Артура“, написанную тем же стихом» («Письма Дж. Р. Р Толкина», № 165). В его бумагах нет никаких указаний на то, когда поэма была начата и когда отложена; но, по счастью, отец сохранил письмо Р. У. Чемберса от 9 декабря 1934 г. Чемберс (профессор английского языка и литературы в лондонском Юниверсити-Колледже), старый друг моего отца, восемнадцатью годами его старше, неизменно дарившийй его поддержкой, описывал, как читал «Артура» в поезде по пути в Кембридж, а на обратном пути «воспользовался тем, что в купе никого больше не было, и декламировал поэму вслух, как она того и заслуживает». Он отзывался о поэме с большой похвалой: «Величественное произведение. по-настоящему героическое, и ценно отнюдь не только тем, что наглядно демонстрирует, как можно использовать метрику „Беовульфа“ на современном английском языке». И завершил письмо словами: «Вы просто обязаны ее закончить!»

Но этого не произошло; и еще одна из отцовских длинных эпических поэм осталась недописанной. Можно почти наверняка утверждать, что отец прервал работу над «Лэ о детях Хурина» до того, как уехал из Лидского университета в Оксфорд в 1925 г.; а сам он отмечает, что взялся за «Лэ о Лейтиан» (пересказ легенды о Берене и Лутиэн), написанное уже не аллитерационным стихом, но парнорифмованными двустишиями, летом того же года («Лэ Белерианда», стр. 3). Вдобавок в Лидсе он начал аллитерационную поэму «Бегство нолдоли из Валинора» и еще один, совсем короткий фрагмент – по-видимому, им открывалось «Лэ об Эаренделе» («Лэ Белерианда», § II, «Поэмы, оставшиеся незавершенными на ранней стадии»).

В книге «Легенда о Сигурде и Гудрун» я предположил (стр. 5) – «хотя никаких подтверждений тому нет, – что отец взялся за древнеисландские песни как за новый поэтический проект [и вернулся к аллитерационному стиху] после того, как оставил „Лэ о Лейтиан“ (легенду о Берене и Лутиэн) ближе к концу 1931 года». Если так, то он, по-видимому, начал работу над «Гибелью Артура», закончив древнеисландские песни в конце 1934 года, – на тот момент поэма была все еще далека от завершения.

В поисках объяснения тому, что столь масштабные поэмы были заброшены на достаточно продвинутой стадии, стоит обратиться к обстоятельствам жизни

автора после того, как он был избран на пост профессора англосаксонского языка в Оксфорде в 1925 г.: вспомнить о том, как много времени и сил отнимала эта должность и научная работа, а также о нуждах, заботах и расходах семьи. Как и на протяжении большей части жизни, у отца никогда не хватало времени; я склонен предположить, что вдохновение, бесконечно сдерживаемое, вероятно, могло просто иссякнуть – и все же снова дало о себе знать, как только среди всех его обязанностей, и неотложных дел, и прочих интересов образовался просвет, – однако проявилось уже с иной сюжетно-тематической посылкой.

Вне всякого сомнения, в каждом отдельном случае причины были свои, и сейчас доподлинно определить их невозможно; но в случае «Гибели Артура» я предположил (см. ниже), что эта поэма «села на мель» на волне кардинальных изменений, которые происходили в концепциях моего отца на тот момент вследствие работы над «Утраченным путем» и публикации «Хоббита»: возникла идея Нуменора, миф о том, как Мир Стал Круглым и о Прямом Пути, и впереди замаячил «Властелин Колец».

Можно также заподозрить, что в силу самой своей природы эта последняя, чрезвычайно сложная поэма оказалась особенно уязвима для задержек и помех. Ошеломляющее количество сохранившихся черновиков к «Гибели Артура» свидетельствует о трудностях, неизбежных при использовании данной метрики, которую мой отец находил настолько близкой по духу; и о придирчивой взыскательности, с какой отец стремился найти в рамках прихотливого и запутанного повествования подходящее выражение для ритмических и аллитерационных моделей древнеанглийских стихотворных форм. Если слегка изменить знакомую метафору, «Гибель Артура» явилась одним из тех произведений искусства, которые возводятся неспешно, и открывшиеся новые творческие горизонты для них губительны.

Как бы ни воспринимались подобные умозаключения, перед издателем неизбежно возникала проблема: как именно следует представить «Гибель Артура» издателю. Вероятно, некоторые из тех, кто взял в руки эту книгу, вполне удовольствовались бы одним лишь текстом поэмы в том виде, как он приведен здесь, и, скажем, кратким описанием этапов его создания, которые явствуют из многообразия черновиков. С другой стороны, наверняка есть и многие другие: те, кто взялся за поэму из любви к самому автору, но об «артуровской легенде» знает крайне мало и хочет, и ожидает обнаружить хоть какие-то указания на то, как эта «версия» соотносится с исходной средневековой традицией.

Как я уже сказал, отец не оставил никаких, даже самых кратких, указаний в том, что касается его соображений и намерений в отношении этой чрезвычайно оригинальной трактовки «Легенды о Ланселоте и Гвиневре», – в отличие от древнеисландских поэм, опубликованных под общим названием «Легенда о Сигурде и Гудрун». Но в данном случае со всей очевидностью нет нужды вступать в лабиринт в редакторской попытке написать всеобъемлющее разъяснение к «артуровской» легенде, которое, скорее всего, воздвиглось бы пугающим и грозным бастионом, так, словно без этого предваряющего справочного аппарата прочесть «Гибель Артура» никак невозможно.

Потому я отказался от какого бы то ни было «Введения» в полном смысле этого слова, но, следуя тексту поэмы, добавил несколько комментариев явно необязательного плана. Краткие примечания, приведенные в конце поэмы, по большей части сводятся к сжатому объяснению имен собственных и отдельных слов и к ссылкам на комментарии.

Каждый из этих комментариев, адресованных тем, кому требуются такие разъяснения, посвящен отдельным аспектам «Гибели Артура», представляющим особый интерес. Первый из них, «Поэма в контексте артуровской традиции», прост по замыслу, при всей своей длине очень ограничен по масштабности охвата и не содержит гипотетических интерпретаций; в нем прослеживается происхождение поэмы моего отца от конкретных нарративных традиций и анализируются расхождения с ними. С этой целью я опирался в основном на два произведения на английском языке: на средневековую поэму, известную как аллитерационная «Смерть Артура», и на соответствующие эпизоды из сэра Томаса Мэлори, со ссылками на источники. Не довольствуясь сухим конспективным изложением, я дословно цитирую ряд отрывков из этих произведений как наглядные образчики этих традиций, по форме и стилю радикально отличные от аллитерационной «Гибели Артура» иной эпохи.

По зрелом размышлении я решил, что лучше всего – во избежание лишней путаницы – изложить свои комментарии так, как если бы поэма дошла до нас только в позднем своем варианте (тот, что опубликован в книге), а все черновики, иллюстрирующие причудливую эволюцию этой формы, были бы полностью утрачены. Я не видел необходимости углубляться в запутанные дебри происхождения Артуровского мифа и его бытования в ранние эпохи. Скажу лишь, что для понимания «Гибели Артура» важно отдавать себе отчет: легенда коренится в V веке, когда римскому владычеству в Британии пришел конец и в 410 году легионы были отозваны, и восходит к воспоминаниям о

битвах, которые вели бритты, противостоя разбойной резне и разору, что несли с собою варварские захватчики, англы и саксы, продвигаясь все дальше от восточных пределов бриттских владений. Следует помнить, что на протяжении всей книги термины «бритты» [Britons] и «бриттский» [British] относятся единственно и исключительно к кельтскому населению и их языку[5 - Это уточнение адресовано автором в первую очередь англоязычному читателю: в современном контексте прилагательное «British» воспринималось бы в наиболее распространенном современном значении: «британский». – Примеч. пер.].

За разделом «Поэма в контексте артуровской традиции» следует раздел под названием «Ненаписанная поэма и ее взаимосвязь с „Сильмариллионом“», с анализом разнообразных набросков моего отца, которые содержат в себе какие-либо указания на планы автора касательно продолжения поэмы; и, наконец, раздел «Эволюция поэмы» – это в первую очередь попытка проиллюстрировать как можно четче (учитывая крайне запутанную текстологическую историю) основные изменения в структуре, на которые я то и дело ссылаюсь, и в придачу к ней – множество примеров, поясняющих художественный метод автора.

Примечание. На протяжении всей книги ссылки на текст поэмы даются в следующем формате: номер песни (римская цифра) + номер строки, напр. II. 7.

Гибель Артура

Песнь I

Как Артур и Гавейн отправились на войну и достигли Востока

На восток выступил с войском Артур

Воевать ворога на вольных границах,

Поплыл за море в пределы саксонские,

Рубежи римские от разора спасти.

5 Волну времени вспять обратить,

Наказать нечестивцев надежда вела его,

Чтоб драккары недобрые не дерзали рыскать

Близ брегов белоснежных Британии Южной,

Промышляя поживу в приливных водах.[6 - О военном походе короля Артура в восточные земли см. ниже.]

10 Как зябнет земь в предзимнюю пору

И стынет солнце, склоняясь к закату

В тусклом тумане, – так тянет мужа

К трудам и странствиям, пока тепла кровь,

Солнцем согретая, – так стремился душой он

15 После стольких свершений силу и доблесть

Пробе подвергнуть, пытать напоследок

Волю и веру в войне с судьбою.

Так судьба своевластная сподвигала его,

Его помыслам подло поддакивал Мордред:

20 Война-де важна, выжидать – глупо.

«Кумирни да капища, крепости мощные[7 - Здесь в оригинале стоит архаичное слово fanes «святилища».]

Да падут в пламени, пристани – рухнут,

Острова, огражденные от оружных походов

И римских ратей, руинами станут

25 В пожарах мести. Могуча длань твоя,

Судьба твоя счастлива – ступай к победе!

Благую Британию, бескрайний предел твой

Беречь от бедствий берусь, как уедешь.

Верный вассал я. Что за враг дерзнет

30 Нагрянуть с набегом, напасть на стены

Островной отчизны, где Артур правит,

Если волк востока в вековой чаще

В западню загнан, затравлен насмерть?»[8 - В оригинале значится at last embayed (внесенное карандашом исправление вместо embayed and leaguered). Со всей очевидностью, здесь подразумевается «загнать (зверя)», «заставить принять бой», хотя такого значения глагола embay [«ввести судно в залив», «запереть в заливе» – Прим. перев.] в «Оксфордском словаре английского языка» не зафиксировано.]

Так молвил Мордред; мужи – одобрили.

35 Предательства подлого не приметил Гавейн

В совете смелом: до сражений жаден,

Он в праздной пышности пагубу видел,

Что Круглый Стол на крах обрекла.

Так повел войско на восток Артур;

40 Война вспыхнула в великих землях.

На кумирни и крепости королей нечестивых

Мощь его двинулась маршем победным

От Рейнских устьев – по разным странам.

Ланселота лишился он; Лионель и Эктор,

45 Борс и Бламор на битву не вышли.

Но мужи могучие во множестве шли с ним:

Бедивер и Болдуин, Бриан Ирландский,

Маррак и Менедук из мощных башен,

Эррак и Ивейн Уриенова рода,[9 - Рыцари Круглого Стола. Лионель и Эктор (о них см. ниже), Борс и Бламор приходились родней Ланселоту; Эктор был его младшим братом. Бедивер в «Гибели Артура» поименован только здесь, но он, вне сомнения, сыграл бы свою роль после битвы при Камлане, если бы мой отец продвинулся в повествовании настолько далеко (см. ниже).Маррак, Менедук и Эррак названы в аллитерационной «Смерти Артура» среди погибших при Камлане.Регед – название позабытого королевства в Северной Британии. Уриэн, король Регеда, и его сын Ивейн (Овейн), по-видимому, имеют своими прототипами исторических королей, прославившихся в войнах между северными бриттами и англами в шестом веке.Некоторые из этих рыцарей фигурируют в романе «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь»: Лионель, Борс, Бедивер, Эррак, Ивейн, сын Уриэна (в переводе моего отца в строфах 6 и 24).]

50 Короля Регедского; Кедивор храбрый,

И Кадор[10 - «Кадор запальчивый» [в оригинале – Cador the hasty]: сперва мой отец написал fearless «бесстрашный», но потом карандашом переправил на hasty, как выше. Можно предположить, что, внося это исправление, он имел в виду случай, описанный у Гальфрида Монмутского, когда было зачитано письмо от императора Луция (см. ниже). Гальфрид называет Кадора, герцога Корнуольского, человеком «веселым» (erat laeti animi): в тот момент он разразился смехом и принялся всех убеждать, что вызов римлян пришел как раз вовремя, ведь бритты сделались изнеженны и ленивы. В «Бруте» Лайамона (см. ниже) Кадор заявляет: «For nauere ne lufede ich longe grid inne mine londe» («ибо никогда не любил я долгого мира в своей земле»), за что Гавейн его сурово упрекает. Но в «Гибели Артура» (I.36–38) не кто иной, как Гавейн:…до сражений жаден,Он в праздной пышности пагубу видел,Что Круглый Стол на крах обрекла.] запальчивый, королевин родич.

Гавейн всех грознее, горд и бесстрашен:

Сгущался сумрак – но слава росла его.

Первым средь паладинов представал не раз он:

55 Оплот и опора обреченного мира.

Как в последний прорыв за пределы осады —

Так вел их Гавейн. Веселым гулом

Голос гремел его в авангарде Артуровом;

Головней горящей грозил клинок его,

60 В побоище первым полыхал молнией.

Позади – пламя, противник – пред ними;

Все вперед, к востоку вела их удача.

Люд бежал без боя, как пред Божьим ликом,

Пустели пущи; в пустынных холмах

65 Не видал их взгляд, не внимал им слух —

Разве зверь да птица, что злобно рыщут

В одиноких угодьях. Однажды дошли они

До мглистого Мирквуда во мраке предгорий:

Позади – пустошь, пред ними – стены;

70 По сирым склонам стремились все выше

Чащ частоколы, черны, непролазны.

Темные тени таились в лощинах,

Где ветви витые вековечных дерев

Сумеречные своды сплетают над реками,

75 Что с луговин льдистых льются потоком.

Средь каменных кряжей каркали вороны,

Орлы откликались с облачных высей,

Выли волки у врат чащобы,

Веял ветер, волглый и стылый,

80 Гневаясь грозно над грядой леса

Средь листьев шумливых. Ливень хлынул,

Сглотнула солнце свирепая буря.

* * *

Вековой Восток восстает во гневе:

Раскатистый рокот, рожденный в темницах

85 Под горами грозными гремел окрест.

В высях провидит войско смятенное

Всадников вольных в вихревых тучах:

Мчатся во мраке в мглистых шлемах

Мороки бедствий на битву ярую.

90 Взвыл ветер. Величавые стяги

Сдернул с древков. Добрая сталь,

Серебро, и злато, и светлый щит

Померкли в мареве, во мгле потонули,

Полчища призраков с призывными кликами

95 Сходились в сумраке. Славный Гавейн

Голос возвысил над гулом ветра:

Зов зычный звенел в скалах

Над грохотом грома: «Грядет война,

Вы, рати разора, распри вестники!

100 Супостат нам не страшен, ни смутные тени

С предгорий пасмурных, приюта демонов!

Внемлите вершины, вековые чащобы,

Престолы подлунные предвечных богов,

Велики и враждебны, внемлите, дрожите!

105 Война грядет с Запада, ветров сильнее,

Мощь и мудрость, мареву неподвластные,

Лорд легионов лучом во тьме —

Артур мчит к востоку!» Воспряло эхо,

Стих ветер. Стены ущелий

110 «Артур» откликались.

Отгорел закат,

Месяц мглистый медленно крался

Сквозь бреши бури в безбрежном небе,

Где вихрей вервия вьются средь звезд.

Пламя плясало всплесками золота

115 Под холмами хмурыми. В хладных сумерках

Белели бледно по бугристым склонам,

Как эльфийские поросли в осеннем поле,

От смертных спрятаны в сонных низинах,

Шатры Артуровы.

Шло время,

120 Дня дождались: дремотные сумерки

Над мглистыми кряжами мерцали бессолнечно;

В воздухе волглом ветер улегся.

Тишь настала. Из темных долин

Туманы тусклые тянулись кверху;

125 Хладная хмарь хребты затопила,

Сырая и стылая; седые лощины

В пелене пасмурной потонули, как в море.

Дерева вековые ветви сплетали,

Как подводная водоросль, где волны не движутся;

130 Стращали из сумрака скитальцев[11 - Здесь в оригинале стоит архаичное слово forwandered «уставший от скитаний».] уставших.

У людей в лагере леденели сердца

На кромке Мирквуда под корнями горы.

Проступала пуща сквозь покровы туманов,

Огнища гасли. Гнёл души страх,

135 В мире мрака, не молвя ни слова,

Все бдили, боясь бедствий неведомых.

Из дальней дали, чуть дело к вечеру,

В предгорьях послышалось пенье рога,

Как в ночи над пучиной нечаянный голос,

140 Забыт и затерян. Звучал он все ближе.

Копыта клацали, кони ржали,

Сигнал дала стража. Скорбь нагрянула.

Вести по ветру влекомы с Запада:

Бастионы Британии к битве готовятся.

145 Ло! Конный Крадок[12 - Крадок (см. ниже).] к королю явился

Путями опасными. Пролегли те тропы

От Рейнских устьев по разным странам.

Мрачно мчал он. Ни мглистые тени,

Ни проливень не преграда пылкому сердцу.

150 С седла он спешился, без сил, измучен;

Скверные вести поведал Артуру:

«Надолго, владыка, владенья покинул ты!

Пока ведешь войну ты с вражьим племенем

На Востоке варварском, вождей сотня

155 Коней прибоя, крепких да быстрых,

Взнуздали в заливах заокраинных островов.

Драккары дерзкие дробят волны;

На бреге брошенном бряцают щиты,

Смоляные стяги струятся средь труб.

160 Веют ветра войны над Британией![13 - «Веют ветра войны над Британией!» (см. ниже).]

Йорк в осаде и сдался Линкольн,

Пылает пожарами побережье Кента.

Сюда скакал я сломя голову,

Приспел к тебе, спасшись от погони по морю, —

165 О вероломстве поведать. Не верь Мордреду!

Предатель он подлый, привечает врагов твоих,

С лордами Лохланна[14 - Лохланн – название некой земли в легендах Ирландии; здесь, по-видимому, подразумевается чужестранный народ, враждебный Артуру; вторично упоминается в IV. 204.] ладит дружбу,

С Альмейна и Ангельна[15 - Альмейн – Германия; Ангельн – область на полуострове Ютландия, историческая родина племени англов.] алчет союзников,

Крадет королевство, к короне тянет

170 Подлые руки. Поспешай на запад!»

* * *

Долго Артур, досадой объят,

Сидел бессловесно. Сколь скоро фортуна

Подвела, предав его. Победу стяжал он

В двадцати битвах. Бежали враги,

175 Вождям враждебным воздавала длань его.

Но вниз низвергшись с высот надежды,

Душа домышляла: его дом обречен,

Древний мир движется к гибели,

И волна времени восстает супротив него.

180 После послал он призвать Гавейна,

В совете смелого. Сказ был невесел;

Вести скверные поведал Артур ему.

«Днесь по Ланселоту лью я слезы:

Нужда у нас ныне в надежных мечах

185 Рода Банова.[16 - «Род Банов»: король Бан Бенвикский из Франции приходился отцом сэру Ланселоту (см. ниже).] Разумным мнится

Послать поскорее к ним, прося о службе

Повелителю прежнему. На предательский сговор

Мы воинство выдвинем, вернемся гордо

С мощью немалой – Мордреда усмирять».

190 Говорит Гавейн, грозно и веско:

«Быть в Бенвике Бановым родичам,

Думаю, должно, не содействуя более

Предательству подлому. Предвижу худое:

Врагами вступят в войну друзья твои.

195 Коли Ланселот – ленник верный,

Пусть раскаянья ради отринет гордыню,

Незваным нагрянет при нужде к королю.

Но скорее с сотней сердец верных

Грозу я встречу, чем гербами бесславными

200 И мечами бесчестными черных изменников

Нашу мощь умножу. Много ли надо нам?

Собери хоть сонмы по странам мира,

Смертных ли, эльфов ли – от сводов Леса

До острова Авалон[17 - «…от сводов Леса / до острова Авалон» (см. ниже).] огромные рати —

205 Нигде не найдется надежней рыцарей,

Бойцов благороднее, в битве прославленных;

Мужи столь могучие под месяцем ясным

Не сойдутся снова, пока склепы не вскроются.

Здесь не вянет на воле времени цвет,

210 Что помнить потомкам сквозь полог годов

Как златое лето средь лютой зимы.

Гавейн с тобой. Господь да хранит нас,

Союзников в чаянии, сердцами связанных,

Ведь кровь родная кипит в наших жилах,

215 Артур и Гавейн! Грознее злу

Бросали мы вызов, бежать вынуждая.

Надежда – в натиске. Пока ненависть медлит

И советы спорные в секрете зреют,

Порывом ветра помчим на запад

220 За море, не мешкая, с мщеньем явимся!»

Песнь II

Как явился с вестями фризский корабль, а Мордред собрал войско и отправился в Камелот к королеве

Темный ветер веет над водной пучиной,

Влечет на взморье валы с юга,

Грозное море с грохотом катит

Громовые горы с гребнями сивыми.

5 Мир – во мраке. Мерцает луна

Сквозь тучи тяжкие, что тянутся к северу.

* * *

Ладья ладная летит из Франции,

Драконьеглавая, грозная видом,

По морю мечется, мглою одета,

10 Затравлена волнами, как зверь дикий

Средь голодных гончих. Гул урагана

Смерть сулит ей.[18 - Здесь в оригинале использован охотничий термин mort – так называется сигнал рожка, оповещающий о смерти зверя.] Стенают люди,

Воплем великим взывают к богам,

Гоним на гибель горемычный корабль

15 В морское устье. Мерцает луна

В глазах немигающих на горестных лицах,

Смерть смущая. Свершился рок их.

Пробудился Мордред, в мыслях блуждая

Темными тропами тайных козней.

20 Засмотрелся в окно западной башни:

Заря занималась, зловещая, смутная,

Серый свет струился сквозь своды туч.

Ветер веял над валом каменным;

Волны вздыхали, вздымалось море.

25 Не слышал, не слушал он, сердцем влекомый

К пытке похоти, к плену давнему,

К Гвиневре[19 - Гвиневра – отец использовал разные варианты написания имени королевы. Преобладает вариант Guinever, но в самом позднем тексте Песни II, если в строках 27, 135 и 143 употреблен вариант Guinever, то в строках 194 и 211 – вариант Guinevere; а в тексте, предшествующем конечному варианту, встречаются формы Guinevere, Gwenevere, Gwenever.] гордой, гладкорукой,

Прекрасной и пагубной, подобной фее,

Что о муках мужей в мире подлунном

30 Ни слезы не сронит. Сокрушит он твердыни,

Повергнет престолы – но не прогнать той думы.

В почивальне покойной, средь подушек шелковых

Спала она сладко на серебряном ложе,

Средь волны волос, привольно дыша,

35 Скиталась без страха во снах благовонных,

Сожалений не ведая, сочувствию чуждая,

В крепости Камелота королева прекрасная,

Владычица беззащитная. Веяло холодом.

Постыла постель ему – призраки черные

40 Желанья жаркого и жгучей ярости

Снедали сердце до студеного утра.

Взошел он вверх по витой лестнице

К стенам, сложенным из серого камня.

Над миром, плачущим в миг пробуждения,

45 Смеясь, склонился он, к слезам непривычен.

Петухи пели. Переполох у врат.

Слуги спешат к нему, ступая неслышно,

Пробежав поспешно по покоям и залам.

Ивор-оруженосец окликнул Мордреда

50 От ступеней донжона,[20 - Здесь в оригинале слово dungeon (совр. «темница, подземелье») используется в архаичном значении: «донжон, большая центральная башня средневекового замка».] в дверях стоя.

«Лорд! Спускайся! Что скучаешь один ты?

Верные вести: времени мало —

Каяться некогда.[21 - «…времени мало – / каяться некогда». В самом раннем варианте песни эти строки звучали как «срок покаянья / море даст малый» (см. ниже). Изначально английское выражение «short shrift» означало короткий промежуток времени для того, чтобы исповедаться в грехах и получить отпущение перед смертью; отсюда – недолгая передышка, отсрочка. Ср. II. 68: «не пытался покаяться» (в оригинале – shrift he sought not).] Корабль на взморье!»

Вышел Мордред; мужи дрогнули

55 Пред ликом неласковым, влагой сбрызнутым;

Ветром встрепаны волосы; вздорливо молвит он:

«Ты рыщешь с отребьем по роскошному замку,

Раз прибило к берегу бурей лодчонку?»

Ивор ответствовал: «Исполняя наказ твой,

60 Капитан фризский из Франции прибыл,

По воле ветра, верный слову,

С судьбой споря. Судьба победила.

Ладья, изломана, лежит на гальке;

На пороге погибели посланец замешкался,

65 Покойники – прочие». С приходом дня

Рыжий разбойник расплатился с хозяином

За кольца златые – и канул в ад;

Не пытался покаяться, не просил о священнике;

Последним словом предостерег лорда:

70 «Крадок клятый, к королю поспешая,

От сетей твоих спасся, до срока должного

Вести везет на восток от Альмейна

Безвременно из Британии. Бесплодны советы;

О дерзких делах твоих донесли Артуру,

75 О замыслах знает он – и зол безмерно.

Собирает силы он, спеша домой

От рубежей римских ревущей бурей.

Девять тысяч рыцарей рвутся к морю;

На северных волнах суда качаются,

80 Баркасы и барки на Белом взморье[22 - Белое взморье (англ. Whitesand, дословно – (Белый песок) – Виссан, деревушка в регионе Па-де-Кале, между Кале

и Булонью.],

Молотки корабелов, крики матросов;

Броня бряцает, беснуются кони,

Гул стоит и грохот. Гляди ты в оба!

На бортах блещут боевые щиты,

85 Кроваво-красным крашены к битве,

Во власти ветра, на волнах ждут они;[23 - «Во власти ветра, на волнах ждут они» – то есть ждут, пока уляжется ветер и утихнет шторм. [В переводе, в точном соответствии с оригиналом, варьируются варианты Гвиневра / Гвиневера; в черновиках встречаются и другие формы. – Примеч. пер.]]

Что псы на привязи, пляшут драккары

На тросах натянутых. Торопись на восток!»

Радбод рыжий, разбойник моря,

90 Неизменен в ненависти, нехристь – сердцем,

Сгиб, как судил рок. Сумрачным утром

В бездну вод его бросили, побрезгав душою:

Ей скользить над пучиной скитальцем бездомным.

Веял ветер над владеньями Запада.

95 Струились стяги, смоляной ворон

С герба грозился. Гудели трубы,

Кольчуги лязгали, кони ржали,

В холмах хмурых ходило эхо.

То Мордред шел маршем; мчались гонцы

100 На восток и на север с вестями спешными

По лугам Логрии[24 - Логрия – королевство Британия, где правил король Артур.]. Лордов и рыцарей

Сзывал под свой стяг он: спешили на зов,

Согласно сговору, союзники Мордреда,

Верны в вероломстве, враги Артуровы,

105 Предатели подлые, до подкупа жадные

Солдаты судьбы, сорвиголовы дерзкие

Из Эрин и Альбы, с островов туманных,

Из Альмейна, и Ангельна,[25 - Эрин – Ирландия; Альба – Шотландия; Альмейн и Ангельн (см. прим. к I. 168).] и Восточной Саксонии,

Вороны взморья и ветреных топей.

110 В Камелот прибыл он с королевой свидеться;

По ступеням спешно ступая в гневе,

Широким шагом взошел по лестнице,

В покои поднялся. С пылающим взором

У входа встал он, воззрившись мрачно.

115 Замерла она молча – ни знака, ни жеста —

Под окном огромным. Отсвечивал день

В локонах длинных лучистого золота.

Серы глаза ее, как сверкание моря;

Хрустально-хладные, храбро встретили

120 Безжалостный взгляд. Но бледнели щеки;

Сердце стеснилось в ней: словно средь псов,

Что льнут, и ласкаются, и лижут руку,

Меж выжлецов волка вдруг разглядела.

Молвил Мордред с мрачной улыбкой:

125 «Ло! Леди Британии! Без любви и веселья

Долги дни доли безмужней,

Короля королеве нет; в крепости стихло

Веселье воинское. Но не век тебе

Чахнуть в отчаянии часами постылыми

130 Без любви и ласки. Лестный удел ли

Для могучей монархини, чья меркнет слава?

Коли выберешь верно – вернется счастье:

Король корону кладет к ногам твоим,

И страсть, и службу суля тебе ныне».

135 Гвиневра горько гостю ответила:

«Королем ты зовешь себя, о короне молвишь —

Сюзерен ссудил ее на срок недолгий,

Он жив и правит, пусть в походе замешкался.

За любовь спасибо и за службу верную,

140 Хоть долг в том, думаю, дорогого племянника

Пред королевой Артуровой». Отвела взгляд она.

Он, свирепо схватив ее, пред собой поставил.

Говорил грозно – Гвиневра дрогнула:

«Вовек не воротится с войн северных

145 Обратно Артур в островную вотчину,

Ланселот Озерный о любви и не вспомнит,

Не вернется к верности! Время меняется;

Запад затмился – задул ветер

Над восставшим Востоком. И вздрогнул мир.

150 Плещут в проливах потоки новые.

Верны ль, вероломны, лишь вольные души

Превозмогут пороги, из праха выхватят

Величье и власть. Как велю, так и будет.

Со мной на ложе возляжешь, любовницей, госпожой ли,

155 Супругой или служанкой, силком ли, добром ли.

Свой приз получу я, прежде чем падут башни

И престолы повергнутся; прежде насыщусь.

Потом как король коронуюсь златом».

В стылом сердце сомневалась Гвиневра

160 Меж опаской и осторожностью; озадачена будто бы,

Помолчав покорно, притворно молвила:

«Лорд мой, нежданны любовные речи

И признанья пылкие в эту пору в устах твоих.

Надежды новые надо обдумать!

165 Передышку позволь мне, помедли малость

Ответа требовать! Коли Артур вернется,

Пропаду и погибну я! Подтвердить сумеешь,

Что в войне верх возьмешь ты, вырвешь корону

У смутных времен, так согласье дам я,

170 Не думая долго». Дерзок был смех его:

«Подтверждения права – пленнице ль требовать,

Слабой – у сильного? Сюзерен или эрл я,

Меж невестой и невольницей недолог выбор!

Нынче же ночью нужен ответ мне;

175 Доле думать не дам». Дворец покинув,

Сбежал свирепо по ступеням гулким,

Широким шагом прошел через двор он.

Ночь настала. Нагая луна,

Скользнув стремглав из свивальников облачных,

180 Грозой изодранных, в заводи звездной

Плыла покойно. Поспешали сквозь ночь

Конники резвые: копыта звенели,

Серебром сверкали стальные копья.

На дне долины далеко позади

185 Огни Камелота, отгорев, угасли;

Лес лег впереди, лощины и топи,

Тропы темные, тусклые. Торопил ужас.

Волк вышел, завыл в чаще,

С лесного лежбища лань пугливая

190 От беды бежала в безумном страхе,

Затравлена зверем, – зычно трубя,

Рогачи величавые за владычицу леса

Встарь свирепо сражались. Так спасалась она,

Гвиневера гордая, сквозь густой мрак

195 В сукне сером сокрывшись из замка.

Приспешники преданные помогли бегству,

Слуги из свиты, ее спутники встарь,

Когда от Леодегранса[26 - Леодегранс – король Камилиарда в Уэльсе, отец Гвиневеры. Упоминание Круглого Стола в строке 203 – это отсылка к легенде, согласно которой Стол был сделан для Утера Пендрагона, отца Артура. В «Повести о короле Артуре» Мэлори Леодегранс узнает от Мерлина о том, что Артур желает взять в жены Гвиневеру:«Для меня это, – отвечал король Лодегранс, – самая радостная весть, какую случалось мне слышать, что столь могучий король, славный доблестью и благородством, пожелал обвенчаться с моей дочерью. Что до земель моих, то я отдал бы их ему, если б знал, что тем его порадую, да у него и так земель довольно, больше ему не надобно. Но я пошлю ему дар, который обрадует его куда более, – я отдам ему Круглый Стол, что получил от отца его Утера Пендрагона».] она в Логрию ехала

Нареченной невестою, нарядная, в золоте

200 Утренней славы Артуровой мощи.

Ныне к землям забытым, к заброшенным башням,

Где Леодегранс много лет назад

За Круглым Столом по-королевски трапезовал,

Поспешала к прибежищу, к пристани стылой,

205 К ненадежному дому. Думала о Ланселоте

Мрачные мысли: вдруг за морем прослышит он

О скитаньях ее и скорби, и свирепом волке.

Коли сгинет король и слетятся вороны,

На призыв придет ли паладин королевин,

210 На подмогу прискачет ли? У погибели, может быть,

Отрада отспорится. Отважная Гвиневера

Судьбу переборет – в придачу к Мордреду,

И волну времени своей волей направит.

Песнь III

О сэре Ланселоте, пребывающем в Бенвике

К свирепой силе от сна на юге

Разбужена буря, с бряцаньем грома

И лютым ливнем над лигами моря

Стремительным смерчем к северу движется.

5 Седые вершины взгорий и скал

Взъерошены ветром пред вздыбленным морем.

Бьют в брег буруны на Бенвикском взморье,[27 - «на Бенвикском взморье» (см. прим. к I. 185).]

Крушат в крошево в крутом гневе

Валуны великие. Взвесь соленая

10 Висит в воздухе вспененным маревом.

Там Ланселот за лигами моря

В круговерти ветров из высоких окон

Глядел да гадал, горюя один.

Томился он тяжко. Тьма сгущалась.

15 Лорда он предал, любви уступая,

Но, любовь отринув, лорда не возвернул.

Впредь вероломцу в вере отказано,

От любви ж отделен он лигами моря.

Сэр Ланселот, лорд Бенвикский,

20 В прошлом – первый из паладинов Артуровых,

В кругу королевичей королем казался,

В деяньях доблести дерзок сверх меры,

Превзошел он прочих, пылок духом.

В краю, где красив люд, что кущи цветущие,

25 Всех милее ликом, лучший из воинов,

Силен и статен, сталь закаленная.

Сам – светел, как смоль – кудри,

Темны и пышны; темны глаза его.

Что злато зари, золотой Гавейн,[28 - «Что злато зари, золотой Гавейн». Далее в тексте поэмы Гавейна снова сравнивают с солнцем (III. 177–179 «как закат, что заревом зажигает мир»; IV. 223–224 «звезда полдневная»), и «встающее солнце» было вышито на парусе его корабля (IV. 142). Но здесь нет отсылок на тот факт, что его сила прибывала к полудню, а затем шла на убыль; между тем это важный элемент рассказа об осаде Бенвика, где Ланселот нанес Гавейну серьезную рану, в то время как мощь того была на исходе (см. ниже).]

30 Но строго смотрят серые очи,

Суровей – складом. Слывя ему ровней,

Не знал он зависти, не заботясь о первенстве,

Паладинов придворных похвалой дарил он,

Но лишь лорда любил беззаветно,

35 Ни мужей, ни жен в мыслях не числил

Дороже Артура. Денно и нощно

Сомневался в Гвиневре он, пока стылая тень

Ее славы сияние сумраком не одела.

Ланселота любовью леди дарила,

40 В сиянии славы его – счастье черпала.

Лишь свою леди любил беззаветно он;

Ни мужей, ни жен в мыслях не числил

Гвиневры дороже: с госпожой рядом

Лишь доброе имя, да доблесть рыцаря

45 Сберегал в сердце. Совершенства взыскуя,

Он верен всегда был владыке Артуру;

За Круглым Столом, в королевском ордене

Паладин и принц, преданно чтил он

Королеву и даму. Но дымное золото

50 И серебро стылое она сердцем алчным

Почитала прекрасней, в пальцах сжимая;

Милей мнила то, что во мраке сокровищниц

Для себя сберегала. Страстно любила

Непреклонной любовью леди безжалостная,

55 Чьи пагубны помыслы, прекрасна – как фея,

Мужам на муку в мир пришла она,[29 - Эти строки близко повторяют II. 28–29 и в том же самом виде вновь использованы в другом тексте, где они вложены в уста сэра Лионеля (см. ниже)… Впервые они появляются в третьем конспекте (см. ниже).]

Судьбою сподвигнута. Сочла его краше

Серебра и злата, что сжимала в горсти.

Златом серебряным, как на заре – солнце,

60 Рдела улыбка, рыданья внезапные

Смягчались слезами, сладостный яд,

Сталь стойкая.[30 - «Сталь стойкая» (в оригинале – steel well-tempered): та же формулировка употреблена по отношению к Ланселоту в строке 26 этой песни [В русском переводе формулировки немного различаются. – Примеч. пер.].В

рукописи строка выглядела как «Не сдержала клятв она» и была карандашом переправлена на «Не сдержали клятв они» (см. ниже).] Не сдержали клятв они.

Мрачный Мордред молча следил их,

Затаив злобу и завистью мучась.

65 Так зло зародилось, застлала тень

Чертоги Артуровы, как черная туча

Свет солнца скрывает, сгущаясь медленно.

В день недобрый доблестный Агравейн

Суровая длань[31 - «Агравейн Суровая длань» (в оригинале – Agravain the dour-handed) – это перевод «Agravain a la dure mayn» [Агравейн тяжелорукий (фр.). – Примеч. пер.]. Так он именуется в романе «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», строка 110), где английское слово dour употреблено в устаревшем значении «крепкий, тяжелый».] смерть принял[32 - Подробнее об этой истории, намеченной здесь вкратце (см. ниже).] —

70 На пороге пал он, к печали Гавейна.

Мечи могучие не мешкали в ножнах:

И Круглый Стол на крах обрекла

Королевина распря. Клинки сверкали,

Королеву казнь на костре ожидала.

75 Прекрасной как фея – приговор суровый:

Смерть суждена ей. Но смерть замешкалась.

Се! Ланселот лучезарной молнией

Средь гулкого грома – грозное пламя —

Напал нежданно, неистово ринулся

80 На друзей давних: так деревья в бурю

Валит ветер, вырывает с корнем.

Гахерис и Гарет[33 - «Гахерис и Гарет» (см. ниже).], Гавейновы братья,

Подле пламени пали: повелел так рок.

Из огня вызволив, он увез далеко ее;

85 Страх всех сковал; никто следом не ринулся:

Бились с ним бок о бок[34 - Здесь и в строке 156 в оригинале слово battle («битва») используется в значении «battle array» («боевой порядок»).] Бановы родичи.

* * *

Но ярость иссякла, излился гнев,

Поменялся настрой его. Поздно оплакал он

Раскол и крах Круглого Стола,[35 - Здесь в оригинале стоит архаичное слово ruth «раскаяние».]

90 В гордыне он покаялся, проклял доблесть,

Что сразила соратников и слово нарушила.

Любви лишившись лорда Артура,

Честь он чаял печалью вылечить,

Возвернуть королеву королевской милостью

95 К чину почетному. Чуждым ей мнился он,

Как от порчи пагубной переменившись.

Не во вред война бы ей, кабы волей собственной

Сохранила счастливо и страсть, и жизнь,

На потеху и прихоть, покуда жив мир.

100 Но участь изгнанницы угодна ей мало[36 - Здесь в оригинале стоит архаичный оборот little liked her «мало ей нравилась», т. е. «не нравилась».],

За любовь лишенья не любо терпеть ей.

Простились в печали. Презрительным словом

Бередя боль его, безжалостно мучая,

Терзалась тоской она,[37 - Здесь в оригинале стоит архаичное слово bewrayed «невольно выдавала».] без толку алкая;

105 Сияние солнца сокрыла буря

В черный час. Чужой она мнилась,

Переменившись. Над пучиной стоял он

Изваянием каменным, изверясь в надежде.

Простились в муке. Прощенье нашла она

110 В монаршьей милости и мудрых советах:

Чтоб не вышло впредь войны нечестивой

Меж владыками христианскими воронью на поживу.

В Камелоте вновь она королевою стала

В почете и чести. Прощенья Артурова

115 Не обрел опальный. Отвергли меч его.

Верным воином впредь на колено то

Не класть клинка ему, не клонить главы —

Ланселоту, что, любовь отринув,

Просил о прощении, презрев гордость.

120 Любви лишившись, за лиги изгнан,

Круглый Стол, и славное братство,

И сиденье[38 - Здесь в оригинале стоит архаичное слово siege «сиденье».] славное, где он сиживал прежде,

Покинул в печали он. Пучина соленая

За спиной серела.

Скорбел Артур

125 В душе и думах; дом его, мнилось,

Оскудел отрадой, отравлен горечью:

Паладина первейшего потерял в час нужды.

Не один отплыл за океан бурный

Ланселот в ладье. Лордов в роду его

130 Много могучих. На мачтах реяли

Борса бравого и Бламора стяги,

Лионеля, Лавейна и лихого Эктора,

Сына младшего Банова. Все по морю уплыли

Из Британии в Бенвик. В битвах отныне

135 Опорой Артуру с оружием не были,

Но в башнях Бановых бдили зорко,

За валами высокими войну отвергая,

Лорда Ланселота с любовью хранили

В час черный. Чаша горька его:

140 Лорда он предал, любви уступая,

Но любовь отринув, лорда не возвернул,

От любви ж отделен он лигами моря.[39 - Эти строки повторяют строки 15–16 и 18 этой песни.]

От гаваней западных грядут вести:

Артур с оружием на отчизну двинулся,

145 Могучий флот, местью сподвинут,

Собрал он споро, но свирепая буря

Послужила преградой и препоной нежданной.

О лорде Логрии[40 - «лорд Логрии» – король Артур.] и лукавой измене,

Что престолу – пагуба, помышлял он мрачно:

150 Нужда настала в надежных рыцарях,

Чтоб в веках выстоял венец державный,

У прибоя пенного правил Западом,

Заслоняя крепости от крушения мира.

Не хватает ныне нещадных клинков

155 Банова рода и блестящих стягов;

Ланселот ныне лордову битву

Пожаром полнил бы, как пламя ярое.

Ныне надеялся и нехотя ждал он

Получить приказ и призыв немедля

160 Воспомнить о верности вассала – к монарху,

Ланселота – к лорду Артуру.

О Гвиневре, горюя, грезил он снова:

Беда в Британии, бушует война;

Коли вновь возродилась в ней верность стойкая,

165 Так гибель грозит ей. Глубоко любил он.

Хоть в гневе ушла она, горя не выказав,

Не печалясь, не плача, в презрении гордом,

Глубоко любил он. В горький час бедствия

Послала б письмо она, пылко и спешно,

170 Трубя в трубы, против туч и шторма

За море мчался б он, мечом потрясая,

В предел покинутый, к последней битве

По воле владычицы, хоть владыка отверг его.

Не пришло ни письма с призывом от лорда,

175 Ни вестей от владычицы. Лишь ветер гулкий

Над вольными волнами веял беспечно.

Ныне слава Гавейна в сиянии злата,

Как закат, что заревом зажигает мир,

За окоем океана опускаясь в багрянце,

180 Пред Артуром пылала, и померкнул Восток.

В сумраке сером сокрывшись, Гвиневра

Ревниво следила, как рушится мир,

Сердцем суровела, как счастье таяло,

В потаенных помыслах просчитала опасность;

185 Мечты миновали – а ведь мнила недавно

Лепить рок людской, как любо душе ее.

А Ланселот за лиги морские

Глядел да гадал, горюя один

В смятении сердца. Сгустилась тьма.

190 В рог не трубил он, рать не сбирал он;

В путь не пустился. Порывы ветра

Сотрясали стены, сердилась буря.

Заря забрезжила. В заливе сумрачном

На песке призрачно пена мерцала;

195 Поменялся прилив, поутихла буря.

Свет скользнул из стылой тени,

Волны возжег, по водам разлившись,

Стеклом сияли серебро и зелень.

Сном скован, склонясь к окну,

200 Прилег Ланселот пленником грез,

Челом поникнув на подоконник.

Отверз он очи: за окном – рассвет;

Ветер все веял в вольном небе,

На дорогах вышних, а на дольний мир

205 Пал покой. В прудах отражались

Серебром сиявшие солнца лучи;

Мир мерцал, омытый росою;

Пели птицы, празднуя утро.

* * *

Воспряла в нем воля – словно вес тяжкий

210 Со спины сбросил. Стоял один он;

Зари зарево зажглось в лице его,

Песнь позабытая прибоем нахлынула,

В сердце слышалась, что струны арфы.

Так Ланселот в лад и негромко

215 Пел про себя, приветствуя солнце;

Жизнь из сумрака, сияя, восстала,

Под сводом вышним смертью восславлена.

Прилив переменится, придет время,

Из-за гряд утра грядет надежда —

220 Пробуждать спящих, пока стоит мир.

Часа не чаял он, не чуял, что впредь

Не вернуться вовек ей вестницей бури,

Не воззвать к войне ветрам трубным.

Стеченье судеб сменилось отныне,

225 Прилив отхлынул потоком быстрым.

Смерть стояла пред ним, и сочлись дни его

Вне вех времени; не вернется он снова

В страны смертных, пока стоит мир.

Песнь IV

О том, как Артур возвратился на заре и с помощью сэра Гавейна пробился к берегу

Выли волки у врат чащобы,

Ветви под ветром, вздыхая, дрожали,

Листва летучая над лесом кружилась,

Умирая, устлала унылые долы.

5 Путь петлял по промозглым долинам,

Через гряды гор в густевшем тумане,

До валов валлийских, что воздвиглись на западе,

Темнолики и грозны. К грядам черным

По кручам каменным конники мчались,

10 Следа не оставив. Слышался грохот

Воды с высот, вскипавшей во тьме

Повсюду в пути к потаенному царству.

Ночь настала. В недвижном безмолвии

Звон копыт затих над землей теней.

15 Заря забрезжила. По зябким склонам

Вековых гор, на восток глядящим,

Заструилось зарево. Замерцала земля.

Сверкнуло солнце. Серебристое утро

Всходило все выше, водой омытое,

20 В синь светозарную свода небесного.

Лучи лились сквозь лесные кущи,

Сияя, сквозили в седой глуши;

Дождевые капли с дерев срывались,

Стекали, сверкая стеклом расплавленным.

25 Птицы не пели, прятался зверь.

Волками чуткими сквозь чащу крались

К границам гористым гонцы Мордреда,

Голодны и грозны, гончие с ними —

По следу[41 - Здесь в оригинале стоит архаичное слово fewte «след затравленного зверя». Это слово встречается в рассказах о выездах на охоту в «Сэре Гавейне и Зеленом Рыцаре», как, например, в строке «Summe fel in pe fute per pe fox bade»; в переводе моего отца (строфа 68): «По следу летели они [гончие] туда, где лис затаился».] спешили, свирепо лая.

30 За Гвиневерой гнались они в гневе лютом,

Пока не отчаялись средь чуждых пустошей,

Погоню прервали в предгорьях грозных

У валов валлийских. Война – позади них,

Беда – в Британии. Бушевали ветра,

35 Выжидал Мордред.

Вести пришли к нему

Под сенью скал сиявших над морем

В стороне южной. На скошенном поле

Шатры встали – что шумный город;

Проулки и площади полнились гомоном

40 На дне долин и на дюнах отлогих,

Над Ромерилем[42 - Ромериль – Ромни в Кенте (см. ниже).], где ревущий поток

Проложил к побережью путь неглубокий.

С островов облачных, с Ангельна, с Востока[43 - Частичный повтор строки II. 108.]

Короли Альмейна корабли там строили:

45 Под скалой стеснились суда резные,

Смоляные стяги струились вольно.

Ветер вспенил воды зыбливые;

Над сверкающей галькой, серебристо-зеленое,

Мыло море меловые скалы.

50 Мордред встал молча на могильном кургане:

Взор свой вперяя вдаль, к южным пределам,

Чтоб суда Артуровы к суше нежданно

Не пригнал прибой. Поставил он стражу

Вдоль кромки моря в краю южном —

55 Наблюдать неусыпно ночью и днем

За проливом с предгорьев. Построил на высях

Сигнальные башни – что светом вспыхнут,

Коль Артур покажется, на помощь скликая,

Собирая силы, там, где спешная надобность.

60 Так выжидал он вдумчиво и ветер отслеживал.

Воззвал к нему Ивор, выкликая зычно:

Суров и статен, стоял у шатра тот;

Невеселы вести, что привез он с Запада:

«О Король! – крикнул он. – Королева пропала!

65 След сокрылся средь серого камня,

Гонители с гончими в горах заплутали.

В королевство сокрытое, в священные долы,

Где Леодегранс[44 - Леодегранс (см. прим. к II. 198).] много лет назад,

Владыка волшебный, вел жизнь осадную,

70 Она спаслась – и свободна. Но по сердцу немногим.

Не страшись ее долее, даму-фею!

Провались она пропадом! И пусть сюда она

Не вернется вовеки вздорить с Мордредом!

Из мыслей гони ее! До мужей тебе дело;

75 От жены отрекшись, обратись к битве!

Грядет час твой!» Тут глаза отвел он,

Поток слов пресекся. Повернувшись неспешно,

Супясь сурово, свирепый Мордред

Взор вперил в него. «Вон! – крикнул. —

80 Владыки время выберет сам он.

Ничего не знаешь ты. Никчемный посланец,

Провалив порученье, посмел вернуться,

Чтоб наглым напутствием наставлять Мордреда

Да скудоумным советом! Страшен гнев мой —

85 Прочь проваливай! Побери тебя дьявол!»

По холму хмуро ходил он долго.

В душе дымилось душно и тяжко

Чадное пламя под черной тенью;

Метались мысли в мороке путаном

90 От свирепости к страху. Сперва дума,

На волю вырвавшись, вожделеньем пылая,

Приманилась похотью к пытке давнишней.

Но Гвиневера, гадал он, с гонцом тайным

Привет послала поспешно за море

95 К Ланселоту, о любви памятуя

И прося помощи в пору бедствия.

Коли Банов род в битву ринется

И чистая лилия в черном поле[45 - «Чистая лилия в черном поле» (см. прим. к II. 134).]

Вновь вспыхнет, выступив гордо

100 В подмогу Артуру, пойдут крахом

Его затея и замысел. Задумался крепко он.

Ведь Ланселота, лорда Бенвикского,

Больше всех боялся он, больше всех ненавидел;

Помнил он пророчество, подсказано ведьмами:

105 Коли лордам Бенвика лилейноукрашенным

В беспощадной битве бросит он вызов —

Пожнет погибель он. Так подлость с гневом,

Сомненье и смелость в совете мрачном

Войну вели. Ветер улегся.

110 В ясной выси, ярко-златое,

Сумеречное солнце сходило с неба

В мареве летнем. Море искрилось

В сонмах созвездий свода ночного.

День сменялся днем. Даль рассветала,

115 Ветерок веял веселым утром,

Крылат, кружился. Крик разбудил его.

«Парус, парус над пучиною реет!»

Всполошились воины, по ветру летели

От кордона к кордону кличи надрывные.

120 Бдили, бодрствуя, у башен сигнальных

При мечах стражи. Ни слова ни молвил он.

Вдаль всмотрелся – за волны, к югу:

Паруса показались над пенным морем.

Так Артур явился ясным утром,

125 Возвращаясь вновь во владенья утраченные.

На снастях сиял серебряным блеском[46 - Здесь в оригинале стоит архаичное слово sheen «яркий, сияющий».]

Лик Богородицы, в белых руках ее

Дитя дивное, от девы рожденное.[47 - У Гальфрида Монмутского говорится, что с внутренней стороны Артурова щита Придвена (см. прим. к IV. 186) был изображен образ Девы Марии, чтобы Артур ни на мгновение не забывал о ней. В аллитерационной «Смерти Артура» главное знамя Артура перед великим морским сражением описывается так:Белая дева и дитя в руках ее,Господин горних кущ – в главе щита.В «Сэре Гавейне и Зеленом Рыцаре» то же самое говорится о сэре Гавейне, который, будучи предан Богородице (в переводе моего отца это строфа 28):Изнутри щита начертал ее образ,Дабы, к ней взгляд обращая, укрепляться в доблести.]

Солнце сияло. Сверкало море.

130 Мужи приметили, признал Мордред

Знамя Артурово. Но зорко высматривал

Со стесненным сердцем стяг Бенвикский —

Серебро на черни. Смотрел – и не видел.

Поник в поле, поблек флер-де-лис[48 - Флер-де-лис (flower-de-luce или fleur-de-lys) – геральдическая лилия, знамя Бенвика (132); ср. IV. 98 «и чистая лилия в черном поле» [Банова рода], и IV. 158 «и Ланселотовых лилий не было».],

135 Сгинул в сумерках. Судьба подступала.

Паруса побелели: поднялось солнце.

Вдали над водой вдруг зазвучали

Тихо трубы. Твердыней воздвигшись,

Рядом с Артуром рвался вперед

140 Могучий корабль в мерцающем зареве —

Бела обшивка, борта раззолочены,

На ветрилах вышито встающее солнце;

На браном стяге, что струился по ветру, —

Грифон грозный, горящий золотом.[49 - «Грифон грозный». Изображение грифона (мифического зверя с головой и крыльями орла и телом льва) фигурирует в гербе Гавейна в аллитерационной «Смерти Артура» («a gryffoune of golde» (см. ниже); а в заметках касательно продолжения поэмы дальше того

места, до которого она была дописана (см. ниже), говорится, что на щите Гавейна красовалось изображение грифона.]

145 Так приспел Гавейн на помощь к Артуру,

Отважен сердцем, авангард[50 - Здесь в оригинале стоит архаичное слово vaward «авангард».] возглавил:

Сотню судов, сиявших бортами;

Паруса полнились, пестрели щиты.

Следом спешило славное воинство:

150 Быстрые барки, бесстрашные дромоны[51 - «Быстрые барки, бесстрашные дромоны». Слово дромоны встречается в описании морского сражения в аллитерационной «Смерти Артура»: там в Артуров флот входили dromowndes и dragges. В «Оксфордском словаре английского языка», где процитирована эта строка, dromond переводится как «очень большое средневековое судно», а drag здесь определяется как «плавучая платформа или плот для перевозки грузов».],

Галеоны, галеры, готовы к битве,

Парусов шесть сотен поднялись под солнцем:

Славный вид и свирепый. Стяги реяли;

Десять тысяч тарджетов[52 - Здесь в оригинале стоит архаичное слово targes «щиты».] теснились друг к другу,

155 Гербы государей горят на фальшбортах,

И князей Севера, и девяти королевств

Благой Британии. Но Банова рода

И Ланселотовых лилий не было.

Тут Мордред со смехом, мрачно и громко,

160 Прокричал приказ. Прогремели трубы,

Огни вспыхнули, взвились флаги,

Било древко в щит, берега откликались.

Беда в Британии: битва грядет.

Так прибыл Артур в пределы отчие,

165 В величии власти вернулся гордо

В Ромериль, где размеренно ныне

Плещут и плачут прибрежные волны.

Сталь под солнцем сияла. Серебряным блеском

Полыхали пики, пшеницы белее,

170 В небо направлены. Насмешливо каркая,

Вилось воронье в высях заоблачных.

Над пенной пучиной плескала тысяча

Взлетающих весел. Вожди саксонские,

На носу стоя, свирепо кричали,

175 Мечами махали и мощными топорами,

Голосами пасмурными призывали богов.

Грозно глядя, они гнали драккары,

Волков волн – к внезапному натиску,

Лавируя ловко, летели к цели.

180 Бушприт бил в борт. Брусья трещали,

Железо лязгало, ломались секиры,

Щиты и копья в щепы дробились;

Кузнецы битвы, кроша железо,

С грохотом гулким гневно ковали

185 Крах и крушение. Красны их руки.

Подступили к «Придвену»[53 - Придвен – имя Артурова щита у Гальфрида Монмутского (см. прим. к IV. 126–128); оно же повторяется в «Бруте» Лайамона

(см. ниже)., но в ранней валлийской поэзии, как и здесь, так назывался корабль Артура.], прекрасному, гордому

Кораблю Артурову в ореоле серебряном.

Тут грянул гулко Гавейн в трубу свою.

Галеон громадный, горя золотом,

190 Громовой грозой в гущу боя ворвался,

Ветра обгоняя. Вослед поспешали

Ленники Лотиана, лорды и капитаны.

Дробились весла. Древесина щепилась.

Трещали тросы. Тяжелые мачты

195 Ломались хрустко, что лес на склоне,

Разбитые, рушились в реве битвы.

Грозным Галутом Гавейн размахнулся —

Клинком своим славным. Кузнецы волшебные

На нем руны резали, прежде чем Рим построился;

200 Смертоносную стойкую сталь закалили.

Как пламя, прянул он, полыхая ярко.

Государя Готланда на гордом челне

Сразил насмерть и сбросил в море;

На лордов Лохлана лучом обрушился,

205 Крушил в крошево кабаньи шлемы

И знамена язычников. Звенел его голос,

«Артур!» выкликая. Воздух дрогнул:

Призыв подхваченный прогремел стократно.

Как ветви под ветром, как валится колос

210 Пред жнецом безжалостным, как под жгучим солнцем[54 - Здесь в оригинале стоит архаичное слово roke «туман, марево».]

Туман тает, тесним рассветом,

Так спасались саксы. Страх обуял их.

От бортов и бушприта бежали в смятенье,

На дно шли камнем, с душой расставаясь.

215 Пылали пламенем на плаву корабли;

Выносила волна на взморье обломки.

Прибой пурпуром пятнал скалы.

Щиты на воде, в щепы разбитые,

Мешались с мусором. Мало кто, изранен,

220 Бесславным бегством из битвы спасся.

Так прибыл Артур в пределы отчие,

Проложил путь чрез пучину мечом,

За Гавейном следуя. Его слава пылала

Звездой полдневной, знаменьем грозным,

225 Восходя все выше, возгоралась над миром

В преддверье паденья. Поджидала судьба.

Прилив повернул. Поломанный брус

Топляком темным и трупы погибших

Валялись вповалку на взморье длинном,

Воздвиглись над волнами валуны обагренные.

Песнь V

О закате над Ромерилем

Так, подхвачен прибоем, поджидал Артур,
На владенья взирал свои, взыскуя сердцем
По лугу зеленому, под легким ветром
Пройти привольно, пока прочен мир,
5 Смакуя сладость соленого бриза
С винно-пряным веяньем клевера
Над солнечным склоном, сходящим к морю,
В христианском мире, где хрустальный звон
С колоколен летит, колыхаясь по ветру, —
10 Королем кротким королевством править
Во владеньях священных у врат Небесных.

На землю взирал он в зареве ясном.
Здесь злая измена звенела в трубы
В мощи мстительной. Мятежные лорды
15 На брег в броне бесстыдно вышли,
Предав правителя, презрев Господа,
Надеясь на натиск неверных язычников.
Мужи могучие шли маршем к югу,
Вражьи всадники с Востока мчали,
20 Как пламя проказы, пагубу сеяли;
Белые башни жгли и богатые нивы,
Стонали степи, сохла трава.

Беда в Британии – и блекнул мир;

Колокол смолк – клинки зазвенели,

25 Ад разверзся, а рай – неблизко.

Дань[55 - Здесь в оригинале стоит архаичное слово trewage «дань, подать».] дорогую должно платить ему:

Красной крови – кропить землю;

Жизни лишатся любимые други,

Падут паладины, погибнет цвет

30 Рыцарства ратного, раденьем снискавшего

Смерть и смуту, судьбу роковую,

Покуда путь проложат, покорят стены,

Покуда примнет он пышные травы

Под ногой наново, направляясь к дому.

35 Никогда не случалось нужде ли, угрозе

Одолеть Артура, отвратить от цели

Или путь преградить. Но пришла жалость,

Любовь к земле своей и люду верному;

О сбитых с пути и супротивниках злобных,

40 О слабых сердцем сокрушался он равно.

Страданьями сыт, и скорбью, и битвами,

Венцом владея и венчан правом,

Прошел бы покойно он, прощенье даруя,

Врачуя раны, ведя за собою,

45 В благую Британию блаженство вернув,

Но смерть маячит, и мрак – впереди,

Покуда путь не проложен, не покорён мир.

[Нижеследующие шестнадцать строк были наспех набросаны на отдельном листке.]

Гавейна призвал он. Горькие речи

Молвил, мрачных мыслей исполнен.

50 «Вассал и родич, верный и славный,

Заслон и защита мне, и зоркий советник,

Путь пагубный пролег пред нами.

Отвоеваны воды. Но высятся стены

Вражды вместилищем, и вызов шлют нам.

55 Верно ли выбран внезапный натиск —

Чтоб предателю подлому пошлину смерти

Платить за прорыв потерями тяжкими

В попытке поспешной, провалом рискуя,

Ставя на кон надежду. Надумал я в сердце:

60 Выждать с высадкой вернее будет.

К иному причалу поведем войско,

Доверимся ветру и волнам отлива,

Пусть влекут нас на запад».

Здесь заканчивается самый поздний из вариантов «Гибели Артура».

Поэма в контексте Артуровской традиции

Более семи веков минуло с тех пор, как римские легионы покинули Британию, когда в середине XII века (вероятно, около 1136 г.) появилось произведение, озаглавленное «Historia Regum Britanniae», за авторством Гальфрида Монмутского (который, к слову сказать, мимоходом упоминается в произведении моего отца «Записки клуба „Мнение“», опубликованном в томе «Саурон Поверженный», с. 192, 216). Об «Истории королей Британии»[56 - Сохранилось около двухсот списков «Истории» Гальфрида Монмутского, и озаглавлены они по-разному: в одних труд именуется «Историей королей Британии», в других – «Историей бриттов». В русском переводе «История» была опубликована в серии «Литературные памятники» под вторым названием: Гальфрид Монмутский. История бриттов. Пер. А. С. Бобовича. М., Наука. 1984 (цитаты из сочинения Гальфрида ниже даются по этому изданию). В английском литературоведении общепринято первое название. – Примеч. пер.] говорилось (сэром Эдмундом Чемберсом в 1927 году), что «ни одно порождение воображения, кроме разве „Энеиды“, не сделало столько для созидания национального мифа». Чемберс употребил слово «воображение» сознательно. Считается, что книга Гальфрида Монмутского стала источником «исторической» (в противовес «романной») традиции в артурологии, но само это слово способно ввести в заблуждение, если не понимать под ним следующее: хотя труд Гальфрида и изобилует чудесами и фантастическими преувеличениями, вкрапленными в совершенно неисторическую структуру, тем не менее написан он в «исторической форме» (то есть как повествовательная хроника событий, сухо и сдержанно изложенная на латыни). Содержание же историческим назвать никак нельзя, поэтому по отношению к нему употребляется термин «псевдоисторический».

В этой книге излагается история бриттов на протяжении более девятнадцати сотен лет, а жизнеописание короля Артура составляет не более четверти общего объема. Выдающийся ученый Р. Ш. Лумис назвал ее «одной из самых дерзких и удачных фальшивок» («Эволюция артуровского романа», 1963). Однако в том же труде он пишет:

Чем больше изучаешь «Историю королей Британии» и методы ее составления, тем больше поражаешься бесстыдству автора, тем больше восхищаешься его изобретательностью, его искусством. «История» написана стилем отточенным, но не вычурным; в достаточной мере приведена в согласие с высокоучеными авторитетами и общепринятыми традициями; свободна от куда более фантасмагорических крайностей рассказчиков-conteurs[57 - Имеются в виду сочинители французских рыцарских романов. – Примеч. пер.][58 -

Фундаментальный труд (лат.). – Примеч. пер.]; якобы основана на весьма старинной рукописи; неудивительно, что magnum opus* Гальфрида Монмутского обезоруживал скептиков и был восторженно принят людьми образованными.

То, что «История» имела такой успех и так долго принималась на веру – это воистину необыкновенный литературный феномен. О том, как к сему труду относился мой отец, я не знаю. Безусловно, он согласился бы с суждением своего друга Р У. Чемберса, утверждавшего, что «История» – «одна из самых влиятельных книг, когда-либо написанных в этой стране». Вероятно, отец оказался бы солидарен и с К. С. Льюисом, который резко осуждал артуровскую часть книги в опубликованном посмертно эссе «Генезис средневековой книги» («Очерки по средневековой и ренессансной литературе», 1966):

Гальфрид, несомненно, очень важен для историков Артуровского Мифа; но поскольку интерес таких историков нечасто ограничивается сферой чисто литературной, они порою забывают сообщить нам, что это автор весьма посредственного таланта и с полным отсутствием вкуса. Львиная доля артуровской части сего труда приходится на несносное пустозвонство Мерлиновых пророчеств и на Артуровы иноземные завоевания. Последние, безусловно, наименее историчны и наименее мифологичны в том, что касается Артура.

Если реальный Артур и существовал, Рима он не завоевывал. Если легенда уходит корнями в кельтское язычество, то эта военная кампания не является ее частью. Это вымысел. И какой вымысел! Мы можем отказаться от неверия в того или иного великана или колдунью. У них есть друзья в нашем подсознании и в наших самых ранних воспоминаниях; воображение с легкостью допускает, что и в реальном мире для них найдется местечко. Но масштабные боевые действия, которыми небрежно исчеркана вся карта Европы, при том что в известную нам историю они не вошли ни в каком виде, – дело другое. Отказаться от неверия нам никак невозможно. Да мы этого и не хотим. Хроники бессмысленной и однообразно успешной агрессии читать отчаянно скучно, даже когда они правдивы; когда же они вопиюще, нелепо сфальсифицированы, они просто невыносимы.

Но по первым же строкам «Гибели Артура» видно, что мой отец радикально отходит от истории последнего заморского похода Артура в том виде, как она изложена у Гальфрида Монмутского и его продолжателей. Я приведу здесь очень краткий пересказ повествования Гальфрида, никак не ссылаясь на литературные и мифологические источники, на которые автор опирался, поскольку цель моя здесь – в первую очередь проследить, как «Гибель Артура» соотносится с героической, «летописной» традицией, начало которой положил Гальфрид.

В этом произведении Артур по смерти своего отца Утера Пендрагона принимает королевский венец и становится королем Британии в возрасте пятнадцати лет, а затем тотчас же отправляется в военный поход, дабы подчинить ненавистных и злобных саксов, и сражается в нескольких битвах, последняя из которых происходит в Сомерсете, при Бате. Артур был вооружен щитом Придвеном с изображенным на нем ликом Богоматери, мечом Калибурном, откованным на острове Авалон, а голову его венчал золотой шлем с гребнем в форме дракона. В ходе этой битвы Артур ворвался в ряды саксов и с одного удара поражал всех, на кого обрушивал свой меч Калибурн, пока наконец на поле не осталось лежать не менее четырехсот семидесяти саксов, убитых им собственноручно.

Саксы обратились в бегство и укрылись в лесах, горах и пещерах, а Артур принялся истреблять заполонивших его земли пиктов и скоттов; «приведя весь край в подобающее ему прежнее состояние», он сочетался браком с Гвиневерой, «происходившей из знатного римского рода», которая затмевала красотой всех женщин Британии. На следующий год Артур завоевал Ирландию и Исландию, а короли Готланда и Оркнеев добровольно признали его верховную власть. По прошествии еще двенадцати лет бритты безжалостно предали огню и мечу Норвегию и Данию и подчинили их господству короля Артура; также ему покорились все области Галлии.

На этом этапе Гальфрид Монмутский изображает Артура могучим правителем, непобедимым в битве; его имя внушает благоговейный страх всей Европе, его рыцари и приближенные являют собою образец и идеал рыцарственности и куртуазии. Возвратившись из Галлии, он устраивает в Каэрлеоне на Аске в Гламоргане пышный прием при дворе и великолепнейшее торжество, на которые съехались все до одного прославленные правители западных земель и островов. Но еще до окончания празднества явились послы из Рима с письмом к Артуру от императора Луция Гиберия. В этом письме Луций требовал, чтобы Артур лично прибыл в Рим выслушать приговор и принять наказание за все

оскорбления, что нанес, отказываясь выплатить дань, причитающуюся с Британии, и захватив земли, подчиненные Империи; а если Артур не явится, то Рим выступит против него.

На это Артур ответил, что и впрямь прибудет в Рим, но для того, чтобы взыскать с римлян ту дань, которую они сочли себя вправе потребовать от него. Тогда Луций повелел восточным царям собрать войска и вместе с ним отправиться завоевывать Британию. В этой огромной армии насчитывалось ровно четыреста тысяч сто шестьдесят человек. Против них король Артур выдвинул великую рать, а на время своего отсутствия вверил защиту Британии своему племяннику Мордреду и королеве Гвиневере.

Сокращая повествование Гальфрида Монмутского еще больше и поставив слова К. С. Льюиса вместо резюме, скажем, что «римская война» закончилась великой победой бриттов и гибелью императора Луция; и Артур уже переходил через Альпы, двигаясь к Риму, когда ему сообщили, что Мордред узурпировал королевскую власть и вступил с Гвиневерой в прелюбодейскую связь. Здесь Гальфрид Монмутский внезапно замолкает; на этот счет он ничего более не скажет, пишет он. Автор сдержал слово: упомянув о высадке короля Артура в Ричборо на кентском побережье, он бегло перечисляет битвы с Мордредом, в которых пали Мордред и Гавейн, а Артур был смертельно ранен. О Гвиневере Гальфрид сообщает только, что, охваченная отчаянием, она бежала в Каэрлеон и там постриглась в монахини; а об Артуре – что он был переправлен для лечения ран на остров Авалон. О сэре Ланселоте в «Истории королей Британии» не упоминается ни разу.

Именно так последовательность событий представлена в «летописной» или «псевдоисторической» артуровской традиции, восходящей к Гальфриду Монмутскому: в «Романе о Бруте» нормандского поэта Васа, что был создан к моменту смерти Гальфрида (1155), и в следующем поколении – в весьма пространной поэме под названием «Брут»[59 - Имя «Брут» в этих и других поэмах восходит к древней легенде, которую в подробностях разработал Гальфрид Монмутский: некий Брут, внук (или правнук) Энея Троянского, первым высадился на весьма заманчивом острове Альбион (прежде на нем не жил никто, «кроме немногих гигантов»), по собственному имени назвал его Британией, а своих сотоварищей – бриттами. Так, в первых строках поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь», переведенной моим отцом, говорится:За морями Франции Брут ФеликсНа привольных высях явил БританиюНа свет…], сочиненной приблизительно в начале XIII в. англичанином Лайамоном, священником из

прихода Эрнли (Арли Регис) на реке Северн в Вустершире; этот поэт вторил Васу, но в собственной манере.

Аллитерационная «Смерть Артура»

Эта же история представлена в еще одном труде, сыгравшем, как мы увидим ниже, немаловажную роль при создании «Гибели Артура». Эта знаменитая поэма «аллитерационного возрождения» XIV века известна как аллитерационная «Смерть Артура». В сборнике «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь», «Перл» и «Сэр Орфео» (1975) я процитировал слова моего отца, описывавшего:

…древнюю английскую метрику, наследие глубокой старины: такой стих сегодня зовется «аллитерационным». Он ставит целью создать совсем иное впечатление, нежели то, что достигается с помощью рифмованных, основанных на подсчете слогов размеров, заимствованных из Франции и Италии; для непривычного уха он звучит резко, жестко и грубо. И, совершенно независимо от диалектной (с лондонской точки зрения) природы языка, этот «аллитерационный» стих включал в свой арсенал ряд специальных поэтических слов, которые в повседневной речи или прозе никогда не использовались и оставались «темны» для тех, кто стоял вне традиции.

Вкратце, наш поэт [автор «Сэра Гавейна и Зеленого рыцаря»] принадлежал к тому направлению, что сегодня известно как Аллитерационное возрождение XIV века, – как попытка использовать древние исконные метрику и стиль, давно считающиеся провинциальными и просторечными, в сочинениях серьезного и возвышенного плана; и он заплатил за провал этой попытки, поскольку возродить аллитерационную поэзию так и не удалось. Все было против: смена эпох, вкусов, языка, не говоря уже о политической власти, торговле и соображениях выгоды.

Аллитерационная «Смерть Артура» – это длинная поэма, насчитывающая более 4000 строк; дата ее написания неизвестна, но обычно ее относят ко второй половине XIV века; она сохранилась в единственной рукописи, переписанной Робертом Торнтоном, в библиотеке Линкольнского собора[60 - Мой отец

пользовался изданием «Общества по изданию ранних английских текстов», переработанным Эдмундом Броком (1871); свой экземпляр он приобрел в сентябре 1919 г.; цитаты, приведенные в этой книге, взяты оттуда.]. Об источниках, которыми пользовался анонимный автор, ведутся нескончаемые споры; но для наших целей довольно упомянуть, что структура повествования заимствована из традиции «Истории королей Британии». Рассказ начинается с пышного празднества, устроенного королем Артуром; на пир являются послы «сэра Луция Гиберия, римского императора»; значительная часть текста отводится описанию битв Артура с римлянами и их союзниками. Это в полном смысле слова «героический» эпос, шансон де жест, поэма о войне (хотя и не только), о полях сражений и яростных схватках, об ужасах блеснувшего в глаза меча – это картины Столетней войны. Иллюстрацией может послужить короткий отрывок. Согласно Гальфриду Монмутскому, Луций пал от руки неизвестного рыцаря, в этой поэме он сражен самим Артуром, и доблесть короля описывается так:

The emperour thane egerly at Arthure he strykez,

Император истово на Артура обрушился:

Awkwarde on the umbrere, and egerly hym hittez!

Замахнулся в забрало задним ударом!

The nakyde swerd at the nese noyes hym sare,

Клинок у носа нестерпимо досаден;

The blode of [the] bolde kynge over the breste rynnys,

Кровь короля каплет на грудь его,

Beblede al the brode schelde and the bryghte mayles!

Багрит блестящую броню и щит!

Oure bolde kynge bowes the blonke by the bryghte brydylle,

Король, коня кругом обернувши,

With his burlyche brande a buffette hym reches,

Мечом мощным метит в недруга,

Thourghe the brene and the breste with his bryghte wapyne,

Рассекает разом и грудь, и панцирь

O-slante doune fro the slote he slyttes at ones!

Надвое, наискось направляя удар.

Thus endys the emperour of Arthure hondes…[61 - Awkwarde on the umbrere «задним ударом (?) в забрало»; nese «нос»; noyes hym sare «весьма его удручает»; Beblede «обагрила»; mayles «кольчуга»; bowes the blonke «поворачивает коня»; burlyche brande «крепким мечом»; brene «панцирь»; O-slante «наискось»; slote «ложбинка над грудной костью».]

Так от оружья Артурова император сгинул.

Смертью императора в последней великой битве войны против римлян аллитерационная «Смерть Артура» не заканчивается: на протяжении еще многих сотен строк в ней рассказывается о новых захватнических военных походах под предводительством Артура, отсутствующих у Гальфрида Монмутского, пока король не оказывается к северу от Рима, в долине Витербо «among the vines» [среди виноградных лоз], и «was never meriere men made on this erthe» [свет не видел вовеки веселья такого].

К Артуру в это отрадное место являются посланцы из Рима просить о мире, и среди них «konyngeste cardynalle that to the courte lengede» [кардинал даровитый, ко двору приближенный]: они предлагают Артуру, чтобы Папа короновал его в Риме как государя и владыку. Король Артур ныне на вершине

славы: объявив, что Рим теперь принадлежит ему и что он коронуется там на Рождество, уставший от недосыпания правитель отправляется почивать.

But be ane aftyre mydnyghte alle his mode changede;

Но после полуночи поменялся настрой его:

He mett in the morne-while fulle mervaylous dremes!

Поутру привиделись пречудесные сны!

And when his dredefulle drem was drefene to the ende,

Когда же грезы грозные угасли вовсе,

The kynge dares for dowte, dye as he scholde;

Смертный страх сковал короля;

Sendes aftyre phylosophers, and his affraye telles[62 - ane «один»; mode «настроение»; mett «увидел во сне»; dares for dowte «лежит неподвижно от испуга»; dye as he scholde «как будто вот-вот умрет»; affrayc «страх».].

Призвал он философов, поведал боязнь свою.

Я уже говорил выше, что аллитерационная «Смерть Артура» – это эпическая поэма, восхваляющая Артура, и в первую очередь поэма батальная; но по мере ее продвижения от начала к концу читатель осознает, что лишь Артуров сон среди виноградников в долине Витербо может послужить достойным завершением грандиозного замысла автора. Во сне, как пробудившийся в страхе Артур описывает его своим «философам», ему явилось прихотливое и вычурное видение Колеса Фортуны, на котором помещены восемь из «Девяти Достойных» или «Девяти Героев», великие исторические правители и завоеватели: об этом видении я здесь расскажу вкратце.

Артуру снилось, будто он один заплутал в лесу, где кишмя кишат волки, дикие вепри и львы, что лакают кровь его верных рыцарей; убегая прочь, он оказывается на горном лугу – «the meryeste of medillerthe that men myghte beholde» [веселей в средиземье не видали люди] – и видит, как туда спускается с облаков богиня в великолепном наряде, воплощение Фортуны, а в руках у нее – колесо из золота и серебра, которое она вращает в белых пальцах. Артур видит, что в верхней точке Колеса Фортуны стоит «a chayere of chalke-whytte silver» [сиденье из серебра белоснежного]: шестеро королей упали с него и теперь, с разбитыми коронами, цепляются за внешний круг колеса, и каждый сетует, что низвергнут с таких высот величия и власти; а еще двое королей карабкаются вверх, чтобы занять трон на вершине. Госпожа Фортуна возносит на это сиденье Артура, сообщая, что это благодаря ей он стяжал в войне такую славу, что она избрала его воссесть на высоком троне и обращается с ним как с «soverayne in erthe» [владыкой земли]. Но внезапно «at midday» [в полдень

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подробнее см.: Tolkien, J. R. R. On Translating Beowulf // The Monsters and the Critics and Other Essays by J. R. R. Tolkien. Ed. Christopher Tolkien. – Boston: Houghton Mifflin, 1984. PP. 66–67.

2

Древнеанглийская поэзия. Пер. В. Тихомирова, ред. О. Смирницкой. М., Наука, 1982. С. 20.

3

Ibid. С. 45.

4

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. «Художественная литература», М., 1974. С. 29.

5

Это уточнение адресовано автором в первую очередь англоязычному читателю: в современном контексте прилагательное «British» воспринималось бы в наиболее распространенном современном значении: «британский». – Примеч. пер.

6

О военном походе короля Артура в восточные земли см. ниже.

7

Здесь в оригинале стоит архаичное слово fanes «святилища».

8

В оригинале значится at last embayed (внесенное карандашом исправление вместо embayed and leaguered). Со всей очевидностью, здесь подразумевается «загнать (зверя)», «заставить принять бой», хотя такого значения глагола embay [«ввести судно в залив», «запереть в заливе» – Прим. перев.] в «Оксфордском словаре английского языка» не зафиксировано.

9

Рыцари Круглого Стола. Лионель и Эктор (о них см. ниже), Борс и Бламор приходились родней Ланселоту; Эктор был его младшим братом. Бедивер в «Гибели Артура» поименован только здесь, но он, вне сомнения, сыграл бы свою роль после битвы при Камлане, если бы мой отец продвинулся в повествовании настолько далеко (см. ниже).

Маррак, Менедук и Эррак названы в аллитерационной «Смерти Артура» среди погибших при Камлане.

Регед – название позабытого королевства в Северной Британии. Уриэн, король Регеда, и его сын Ивейн (Овейн), по-видимому, имеют своими прототипами исторических королей, прославившихся в войнах между северными бриттами и англами в шестом веке.

Некоторые из этих рыцарей фигурируют в романе «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь»: Лионель, Борс, Бедивер, Эррак, Ивейн, сын Уриэна (в переводе моего отца в строфах 6 и 24).

10

«Кадор запальчивый» [в оригинале – Cador the hasty]: сперва мой отец написал fearless «бесстрашный», но потом карандашом переправил на hasty, как выше. Можно предположить, что, внося это исправление, он имел в виду случай, описанный у Гальфрида Монмутского, когда было зачитано письмо от императора Луция (см. ниже). Гальфрид называет Кадора, герцога Корнуольского, человеком «веселым» (erat laeti animi): в тот момент он разразился смехом и принялся всех убеждать, что вызов римлян пришел как раз вовремя, ведь бритты сделались изнеженны и ленивы. В «Бруте» Лайамона (см. ниже) Кадор заявляет: «For nauere ne lufede ich longe grid inne mine londe» («ибо никогда не любил я долгого мира в своей земле»), за что Гавейн его сурово упрекает. Но в «Гибели Артура» (I.36–38) не кто иной, как Гавейн:

…до сражений жаден,

Он в праздной пышности пагубу видел,

Что Круглый Стол на крах обрекла.

11

Здесь в оригинале стоит архаичное слово forwandered «уставший от скитаний».

12

Крадок (см. ниже).

13

«Веют ветра войны над Британией!» (см. ниже).

14

Лохланн – название некой земли в легендах Ирландии; здесь, по-видимому, подразумевается чужестранный народ, враждебный Артуру; вторично упоминается в IV. 204.

15

Альмейн – Германия; Ангельн – область на полуострове Ютландия, историческая родина племени англов.

16

«Род Банов»: король Бан Бенвикский из Франции приходился отцом сэру Ланселоту (см. ниже).

17

«…от сводов Леса / до острова Авалон» (см. ниже).

18

Здесь в оригинале использован охотничий термин mort – так называется сигнал рожка, оповещающий о смерти зверя.

19

Гвиневра – отец использовал разные варианты написания имени королевы. Преобладает вариант Guinever, но в самом позднем тексте Песни II, если в строках 27, 135 и 143 употреблен вариант Guinever, то в строках 194 и 211 – вариант Guinevere; а в тексте, предшествующем конечному варианту, встречаются формы Guinevere, Gwenevere, Gwenever.

20

Здесь в оригинале слово dungeon (совр. «темница, подземелье») используется в архаичном значении: «донжон, большая центральная башня средневекового замка».

21

«…времени мало – / каяться некогда». В самом раннем варианте песни эти строки звучали как «срок покаянья / море даст малый» (см. ниже). Изначально английское выражение «short shrift» означало короткий промежуток времени для того, чтобы исповедаться в грехах и получить отпущение перед смертью; отсюда – недолгая передышка, отсрочка. Ср. II. 68: «не пытался покаяться» (в оригинале – shrift he sought not).

22

Белое взморье (англ. Whitesand, дословно – (Белый песок) – Виссан, деревушка в регионе Па-де-Кале, между Кале и Булонью.

23

«Во власти ветра, на волнах ждут они» – то есть ждут, пока уляжется ветер и утихнет шторм. [В переводе, в точном соответствии с оригиналом, варьируются варианты Гвиневра / Гвиневера; в черновиках встречаются и другие формы. – Примеч. пер.]

24

Логрия – королевство Британия, где правил король Артур.

25

Эрин – Ирландия; Альба – Шотландия; Альмейн и Ангельн (см. прим. к I. 168).

26

Леодегранс – король Камилиарда в Уэльсе, отец Гвиневеры. Упоминание Круглого Стола в строке 203 – это отсылка к легенде, согласно которой Стол был сделан для Утера Пендрагона, отца Артура. В «Повести о короле Артуре» Мэлори Леодегранс узнает от Мерлина о том, что Артур желает взять в жены Гвиневеру:

«Для меня это, – отвечал король Лодегранс, – самая радостная весть, какую случалось мне слышать, что столь могучий король, славный доблестью и благородством, пожелал обвенчаться с моей дочерью. Что до земель моих, то я отдал бы их ему, если б знал, что тем его порадую, да у него и так земель

довольно, больше ему не надобно. Но я пошлю ему дар, который обрадует его куда более, – я отдам ему Круглый Стол, что получил от отца его Утера Пендрагона».

27

«на Бенвикском взморье» (см. прим. к I. 185).

28

«Что злато зари, золотой Гавейн». Далее в тексте поэмы Гавейна снова сравнивают с солнцем (III. 177–179 «как закат, что заревом зажигает мир»; IV. 223–224 «звезда полдневная»), и «встающее солнце» было вышито на парусе его корабля (IV. 142). Но здесь нет отсылок на тот факт, что его сила прибывала к полудню, а затем шла на убыль; между тем это важный элемент рассказа об осаде Бенвика, где Ланселот нанес Гавейну серьезную рану, в то время как мощь того была на исходе (см. ниже).

29

Эти строки близко повторяют II. 28–29 и в том же самом виде вновь использованы в другом тексте, где они вложены в уста сэра Лионеля (см. ниже)… Впервые они появляются в третьем конспекте (см. ниже).

30

«Сталь стойкая» (в оригинале – steel well-tempered): та же формулировка употреблена по отношению к Ланселоту в строке 26 этой песни [В русском переводе формулировки немного различаются. – Примеч. пер.].

В рукописи строка выглядела как «Не сдержала клятв она» и была карандашом переправлена на «Не сдержали клятв они» (см. ниже).

31

«Агравейн Суровая длань» (в оригинале – Agravain the dour-handed) – это перевод «Agravain a la dure mayn» [Агравейн тяжелорукий (фр.). – Примеч. пер.]. Так он именуется в романе «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», строка 110), где английское слово dour употреблено в устаревшем значении «крепкий, тяжелый».

32

Подробнее об этой истории, намеченной здесь вкратце (см. ниже).

33

«Гахерис и Гарет» (см. ниже).

34

Здесь и в строке 156 в оригинале слово battle («битва») используется в значении «battle array» («боевой порядок»).

35

Здесь в оригинале стоит архаичное слово ruth «раскаяние».

36

Здесь в оригинале стоит архаичный оборот little liked her «мало ей нравилась», т. е. «не нравилась».

37

Здесь в оригинале стоит архаичное слово bewrayed «невольно выдавала».

38

Здесь в оригинале стоит архаичное слово siege «сиденье».

39

Эти строки повторяют строки 15–16 и 18 этой песни.

40

«лорд Логрии» – король Артур.

41

Здесь в оригинале стоит архаичное слово fewte «след затравленного зверя». Это слово встречается в рассказах о выездах на охоту в «Сэре Гавейне и Зеленом Рыцаре», как, например, в строке «Summe fel in pe fute per pe fox bade»; в переводе моего отца (строфа 68): «По следу летели они [гончие] туда, где лис затаился».

42

Ромериль – Ромни в Кенте (см. ниже).

43

Частичный повтор строки II. 108.

44

Леодегранс (см. прим. к II. 198).

45

«Чистая лилия в черном поле» (см. прим. к II. 134).

46

Здесь в оригинале стоит архаичное слово sheen «яркий, сияющий».

47

У Гальфрида Монмутского говорится, что с внутренней стороны Артурова щита Придвена (см. прим. к IV. 186) был изображен образ Девы Марии, чтобы Артур ни на мгновение не забывал о ней. В аллитерационной «Смерти Артура» главное знамя Артура перед великим морским сражением описывается так:

Белая дева и дитя в руках ее,

Господин горних кущ – в главе щита.

В «Сэре Гавейне и Зеленом Рыцаре» то же самое говорится о сэре Гавейне, который, будучи предан Богородице (в переводе моего отца это строфа 28):

Изнутри щита начертал ее образ,

Дабы, к ней взгляд обращая, укрепляться в доблести.

48

Флер-де-лис (flower-de-luce или fleur-de-lys) – геральдическая лилия, знамя Бенвика (132); ср. IV. 98 «и чистая лилия в черном поле» [Банова рода], и IV. 158 «и Ланселотовых лилий не было».

49

«Грифон грозный». Изображение грифона (мифического зверя с головой и крыльями орла и телом льва) фигурирует в гербе Гавейна в аллитерационной «Смерти Артура» («a gryffoune of golde» (см. ниже); а в заметках касательно продолжения поэмы дальше того места, до которого она была дописана (см. ниже), говорится, что на щите Гавейна красовалось изображение грифона.

50

Здесь в оригинале стоит архаичное слово vaward «авангард».

51

«Быстрые барки, бесстрашные дромоны». Слово дромоны встречается в описании морского сражения в аллитерационной «Смерти Артура»: там в Артуров флот входили dromowndes и dragges. В «Оксфордском словаре английского языка», где процитирована эта строка, dromond переводится как «очень большое средневековое судно», а drag здесь определяется как «плавучая платформа или плот для перевозки грузов».

52

Здесь в оригинале стоит архаичное слово targes «щиты».

53

Придвен – имя Артурова щита у Гальфрида Монмутского (см. прим. к IV. 126–128); оно же повторяется в «Бруте» Лайамона (см. ниже)., но в ранней валлийской поэзии, как и здесь, так назывался корабль Артура.

54

Здесь в оригинале стоит архаичное слово roke «туман, марево».

55

Здесь в оригинале стоит архаичное слово trewage «дань, подать».

56

Сохранилось около двухсот списков «Истории» Гальфрида Монмутского, и озаглавлены они по-разному: в одних труд именуется «Историей королей Британии», в других – «Историей бриттов». В русском переводе «История» была опубликована в серии «Литературные памятники» под вторым названием: Гальфрид Монмутский. История бриттов. Пер. А. С. Бобовича. М., Наука. 1984 (цитаты из сочинения Гальфрида ниже даются по этому изданию). В английском литературоведении общепринято первое название. – Примеч. пер.

57

Имеются в виду сочинители французских рыцарских романов. – Примеч. пер.

58

Фундаментальный труд (лат.). – Примеч. пер.

59

Имя «Брут» в этих и других поэмах восходит к древней легенде, которую в подробностях разработал Гальфрид Монмутский: некий Брут, внук (или правнук) Энея Троянского, первым высадился на весьма заманчивом острове Альбион (прежде на нем не жил никто, «кроме немногих гигантов»), по собственному имени назвал его Британией, а своих сотоварищей – бриттами. Так, в первых строках поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь», переведенной моим отцом, говорится:

За морями Франции Брут Феликс

На привольных высях явил Британию

На свет…

60

Мой отец пользовался изданием «Общества по изданию ранних английских текстов», переработанным Эдмундом Броком (1871); свой экземпляр он приобрел в сентябре 1919 г.; цитаты, приведенные в этой книге, взяты оттуда.

61

Awkwarde on the umbrere «задним ударом (?) в забрало»; nese «нос»; noyes hym sare «весьма его удручает»; Beblede «обагрила»; mayles «кольчуга»; bowes the blonke «поворачивает коня»; burlyche brande «крепким мечом»; brene «панцирь»; O-slante «наискось»; slote «ложбинка над грудной костью».

62

ane «один»; mode «настроение»; mett «увидел во сне»; dares for dowte «лежит неподвижно от испуга»; dye as he scholde «как будто вот-вот умрет»; affrayc «страх».

Купить: https://tellnovel.com/dzhon-tolkin/smert-artura-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити